

НИКА.

Ольга Самсонова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Самсонова

Ника

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67568484

SelfPub; 2022

Аннотация

Случайная встреча подталкивает Павла к глупой авантюре, а Веронику к творчеству.

Но открыться чувствам и вдохновению мешают тысячи причин.

Хотя нет, причина одна – страх изменить привычный уклад жизни. Страх рискнуть.

Лёгкая история о том, как разрешить себе безумство и окунуться в радость любви... к себе.

Содержит нецензурную брань.

Ольга Самсонова

Ника

1

Свадьбы Павел ненавидел всей душой. Он уже достаточно выпил за здоровье молодых, наулыбался в объектив приставучего фотографа и сейчас периодически косился на приложение "такси" в телефоне. День выдался паршивым с самого утра – секретарша Комарова сообщила, что встречу снова отложили. Месяц бесконечных согласований и на тебе – Вячеслав Игоревич, мать его, улетел из города.

Свадебный шум раздражал. Гости хором выкрикивали цифры по порядку – видимо, кто-то из подвыпивших родственников не удержался и вспомнил пресловутое “Горько”. Впрочем, здесь, вдали от ресторанного гогота, было вполне сносно. Павел даже подумывал выловить официанта и попросить принести выпивку прямо на эту скамейку в тени розовых кустов. Но решил, что вернее все-таки будет отправиться домой и еще раз лично перепроверить договор с Комаровым. Вдруг случайности не случайны, и это знак – мало ли чего упустили.

– О, вот ты где, милый! – сумасшедшего вида девица буквально набросилась на него из ниоткуда. – А я тебя потеряла, – громко и радостно сообщила она, неосторожно размахивая бокалом с ярким коктейлем.

– Ну... я э... – Павел заметил мужчину поодаль, который буравил их взглядом.

– Прохладно стало, да? – незнакомка вплотную уселась рядом и кокетливо поправила плечами накиннутый розовый пиджак.

Неизвестный мужчина потоптался, смачно люнул на землю и, бормоча что-то, ушел. Девушка моментально отодвинулась на противоположный край скамейки. Повисла пауза. Павел наблюдал, словно в театре, как она аккуратно пристраивает коктейль на землю, долго шарит по карманам пиджака и наконец-то с наслаждением закуривает. Ей можно было дать хоть 15 лет. Но грустные, уставшие глаза все-таки выдавали возраст. Волосы короткие, торчат какими-то беспорядочными завитками. Платье наоборот строгое – прямое, черное. На пиджаке витиеватый логотип "Ваш счастливый день" – видимо, сотрудница ивент агентства.

– Ненавижу свадьбы! – сообщила она, выдыхая облако сигаретного дыма.

– Довольно цинично для организатора свадеб, не?
Девушка рассмеялась.

– О, нет, это друзья свадьбу организовывали, а я рядом стояла. Меня просто попросили подменить сотрудницу. Я вообще не по этим делам. Меня такие церемонии раздражают.

– Меня тоже! – неожиданно для себя брякнул Павел. – Ну, то есть, может это и круто организовано – дипломатично

поправился он, но если уж я женюсь, то всей этой хренатни даже близко не случится.

– Вот-вот! – девушка активно закивала головой – Тоже считаю, что это бред. У меня вот, думаю, будет так... Пляж. Сумерки...

– Вампиры! – радостно ввернул Павел.

– Эй, мы же тут про мою свадьбу, а не про ваших родственников! – девушка картинно-строго глянула на него и с улыбкой продолжила – мы с любимым говорим друг другу «да», и тут внезапно звучит музыка, из ниоткуда появляются гости... А, и да, все танцуют, как в индийских фильмах. Роскошно!

– Появляются?! Я бы предпочел, чтобы гости как раз внезапно исчезли. И пусть потом начинается как в индийских книгах!

– Ну вот вы опять в мою свадьбу лезете. Хотя, соглашусь, идея недурна. Надеюсь, книги вы имели в виду по Камасутре, а не по кулинарии?

– Да, я о первом. Хотя и против индийской кухни ничего не имею.

Девушка эта странно действовала на Павла. С одной стороны, бесила, но с другой – интриговала, притягивала. Не была похожа ни на кого из его знакомых. Вела себя свободно, непосредственно, даже нахально. Но в этом было что-то родное, природное. Казалось, весь мир кружится вокруг нее и готов (не пойми, с чего) подчиняться ей.

– А что это был за парень? – Павел поспешил прервать паузу, которая начала затягиваться.

– Да дурак какой-то. Слонялся за мной, пока я ходила узнавать про торт на кухню. Она во-о-он там, в пристройке – девушка махнула куда-то в темноту двора. – Хорошо, что я вас заметила. Пришлось сделать вид, что вы мой парень, чтобы его отшить. Спасибо, что подиграли. Хотя – она критично оглядела Павла – это будет громковато сказано.

– Обидно, должно быть, притворяться, что у тебя есть парень?

– Обидно – если его нет. А мой мужчина просто слишком занят для такой ерунды.

Павел хмыкнул и уставился в телефон. Девушка стянула с ног изящные туфли и, радостно вспомнив про коктейль, с удовольствием принялась за него. Какое-то время они молчали.

– А вы чем занимаетесь? – Он не планировал продолжать общение, но слова будто сами собой вываливались из него.

– Не знаю, что ответить. Не охота рассказывать. Давайте лучше о вас? – Ника отставила бокал и внимательно осмотрела Павла. – У вас высокая должность. И куча ответственности. Наверное, директор или типа того. В общем, явно управляете людьми и решаете много задач. Но вы достаточно молодой... видимо, семейный бизнес.

– Директор строительного отдела в фирме отца, – Павел оказался под впечатлением. – Забавно. Ясновидящая?

– Что-то ясно видящая, а что-то вообще не ясно... с вами вот все довольно просто. Пока что.

– Ну а все же, что там о вас? Чем любите заниматься?

– Гулять. Есть. Умничать так вообще любимое занятие. – Девушка будто зависла и погрузилась в свои мысли, смотря куда-то сквозь Павла. Какое-то время он вслушивался в ритмы громкой музыки, доносящийся из ресторана. – А вообще больше всего рисовать я люблю. Очень бы хотела все бросить и уехать из Питера. Хотя бы на неделю. За город. В деревню. Чтобы ветер гонял облака, а я лежала на траве и вглядывалась в зеленую даль. Можно и в голубую – я не против, если это будет у моря.

– И что там?

– Набрала бы с собой холстов, красок, новых кистей и красила бы с утра до ночи. А по ночам выходила бы в поле, чтобы подсматривать за звездами.

Они одновременно поднял глаза, но в летнем желто-сером небе не было ни намека на звезды.

– Звучит круто. Даже мне загород захотелось. У отца коттедж на заливе, выходит, пришло время туда съездить.

– Ох, я бы сейчас все отдала за такой коттедж! Только, чтобы там никого не было, и никто не мешал.

– Так поезжайте в мой! Он все равно пустует – слова эти вырвались изо рта Павла, явно минуя мозг.

– Вы пьяный что-ли? – девушка картинно приподняла бровь.

– Да просто подумал, что реально дом стоит-простаивает, и как-то вот...

– Вы шутите, да?

– Господи, да я просто предложил – все внутри Павла кричало: "Да! Это шутка, скажи, что пошутил!".

– А если я возьму и приму предложение?

– Никто в своем уме не принимает такие предложения от незнакомца.

– Ника. Меня зовут Ника. Будем знакомы?

2

Павел проснулся кое-как. Голова трещала. Было бы удобно списать это на похмелье, вот только он особо не пил. Тем не менее, все вокруг ощущалось каким-то картонным, нереальным, абсурдным. Его тошнило. Огляделся и порадовался, что в спальне никого не обнаружил. Оказалось, он уснул во вчерашней рубашке. Из нагрудного кармана торчала смятая визитка. С одной стороны красовалось: "Фея агентства "Ваш счастливый день"", а с другой размашистым почерком было написано: "Ника", адрес и телефон.

"Как можно быть таким дебилом" – ругал он себя. "Пообещал хрен пойми кому целую неделю в отцовском коттедже. А вдруг она психованная? Как вот теперь отмазываться?". Потребовалось усилие, чтобы припомнить все подробности вчерашнего вечера: Ника эта непонятная исчезла практически сразу, а потом он вернулся на праздник и, кажется, даже целовался с кем-то. Потом подвозил девушку в такси, но

решил не заходить к ней. Да, знатно она психанула. А потом, среди ночи, он звонил в коттедж предупредить Ларису и Виктора, что приедет утром. Ну и чем он думал? На кой черт ему это надо?

Телефон затрещал и тут же мелькнула трусливая мысль. "Не отвечай". Павел с облегчением выдохнул, сообразив, что звонит секретарша. Она сообщила, что Вячеслав Игоревич уехал не на неделю, а на две, поэтому и подписание договора откладывается на неопределенный срок. "Везет засранке", – сказал он, и пошел собираться.

Ника ждала, как и условились, у "Макдональдса". Вчера она сообщила, что не водит машину, поэтому Павел в порыве галантности, ко всему прочему, предложил ее подвести. В багажник нагрузили стопку деревянных подрамников, обтянутых холстами и целую уйму грунтованных картонок. Все это было, по словам Ники, очень "хрупким". Особенно здоровенная деревянная коробка, которая гремела при малейшем движении. Да, не так Павел представлял свои выходные. И художников.

– Будешь кофе? – спросила Ника, когда они закончили укладывать странный багаж.

– Да, почему нет. Куда поедем?

– Куда ехать-то – вот же кофе продают.

Павел огляделся, не сразу сообразив, что она про «Макдональдс». Это показалось забавным – он не приглашал девушек поесть фастфуда, кажется, со времен института. Не пой-

ми, с чего, было очень приятно купить Нике и кофе, и все, что она захотела. Украдкой Павел наблюдал, с каким удовольствием девушка раскрывает свой пакет еды, и как по-детски радуется выбранному роллу и яблочным долькам. Он не понимал, что ее отличает от всех других, но сейчас, с ней, все казалось вновинку.

Закончив завтрак громадным стаканом кофе, Ника тут же уснула. Павел включил джаз и удивился, как приятно просто ехать по трассе и особо ни о чем не думать. Давно он так не делал. Конечно, в голове крутились мысли о сделке, партнерах и работе, но сегодня они казались далекими и совсем не важными.

Доехали на удивление быстро. Солнце припекало, погода стояла чудесная. Ника проснулась в аккурат к концу маршрута и тут же принялась жаловаться на джаз, сообщив, что из-за него ей снились дурацкие сны. Увидев красивый светлый коттедж, она даже присвистнула.

– Признаться, я ожидала чего-то куда менее... грандиозного. Если у вас есть панорамное окно с видом на залив, боюсь, у нас серьезные проблемы – я задержусь тут на месяц.

– Увы, есть.

Павлу неловко было отвечать на любопытные взгляды работников – управляющего Виктора и Ларисы, которую он очень уважал и знал уже лет 15. Но объяснять никому ничего не планировал. Хотя бы потому, что сам ничего не пони-

мал. Глядя, как потягивается после поездки Ника, он мельком подумал, что неплохо бы попробовать к ней подкатить. Хотя тут же это показалось глупой затеей, ведь она совершенно не тот тип женщин, к которому он привык, и даже не тот, который его обычно привлекал.

Гостье подготовили просторную комнату на втором этаже – с крытым балконом и огромной кроватью. Она радовалась, как ребенок, осматривая дом. Какая-то часть Павла хотела немедленно прекратить эту нелепую игру и вызвать ей такси до Питера. Но другая часть с интересом ждала продолжения. И пока побеждала.

Наскоро осмотрев небольшой сад, Вероника сообщила, что он хорош “до противного”, и попросилась поскорее на пляж. Невозможно было не улыбаться, глядя, как взрослая вроде бы девушка бежит по кромке воды, пинает волны и визжит от радости.

– Спасибо, Павел! Это лучше даже того, что я хотела! Начну сейчас же!

– Начнешь что?

– Ну, рисовать, конечно. Да, солнце, конечно, будет мешать, – размышляла она вслух, – но ждать не могу. Я за этюдником.

С этими словами она ринулась назад, к дому. Павел, вспоминая огромный деревянный контейнер, хотел было предложить помощь, но предпочел растянуться на песке и расслабиться. Сто лет так не делал.

День пролетел бесполезно и незаметно. Хотя на улице было светло, ощущался вечер. Белые ночи действовали Павлу на нервы – он не любил неясность и неопределенность. Его преследовало странное ощущение, но идентифицировать, какое, не получалось. Ностальгия? Тоска? Весь день он не делал решительно ничего, кроме как смотрел на свою жизнь словно со стороны и картинка не радовала.

Он всегда, казалось бы, знал, чего хочет и что его ждет. Будто все предопределено. Учеба на "экономе" не была ни интересной, ни легкой, но Павел, как ожидал отец, закончил ее с отличием. Уже со второго курса начал помогать в фирме, но никогда не злоупотреблял отцовским влиянием и честно дошел от парня на побегушках до начальника отдела, что бы там ни говорили злопыхатели. Будущее казалось понятным и простым. Следующий его шаг – заместитель директора, женитьба. А затем и наследование компании, когда придет время. А какие еще варианты? Отец так часто повторял этот алгоритм, что Павел даже начал считать это своей мечтой. Хотя, если уж говорить о мечте, воображение рисовало другую картинку. Все реже, но он фантазировал о собственной небольшой гостинице, где по утрам наслаждается кофе и перекидывается пустыми словами о погоде с постояльцами. Погода, кстати, там прекрасная – ведь они на берегу настоящего моря. Эта наивная мечта, где он счастливо вдыхает аромат круассанов из пекарни собственного отеля –

словно первая любовь. Сладко, нелепо, неуклюже и хотелось бы забыть, но зачем-то вспоминается.

Павел понял, что бестолково пялится в экран телефона и уже четырежды перечитывает сообщение, не понимая, о чем оно. Он злился на себя, ведь исключительно благодаря собственному идиотизму, оказался в глупой ситуации. Отец будет в шоке. Да и кто угодно с головой на плечах будет в шоке.

“Итак, что мы имеем?” – мозг тут же принялся по-привычке составлять список:

1. Странноватую бабу, которую ты не знаешь.
2. Она тратит твое время, деньги и нервы просто так.
3. Тебе нет выгод от ситуации.
4. Тебе не хочется находиться здесь, валяться на пляже и тарашиться в телефон – в городе тебя ждут друзья. Зачеркнуто – дела – зачеркнуто – бары – зачеркнуто – бухло – зачеркнуто – одиночество”.

Список ему не понравился. Да и все равно основное его занятие – ждать Комарова. Остальные дела идут своим чередом, отчеты он получает регулярно, личное его присутствие ничто не требует, никаких семинаров и тренингов не запланировано.

Павел начал составлять другой список:

1. Я за городом, говорят это полезно.
2. Я отдыхаю, давно обещал секретарше этим заняться.
3. Отцу понравится, что я появился в коттедже – дом дав-

но пустует.

4. Баба хоть и со странностями, возможен секс”.

Павел сделал вывод, что он ничего не теряет. А вдруг это и есть хваленый выход из зоны комфорта, о котором талдычат на бизнес-тренингах. Не зря же он отваливает за них приличные деньги. Посчитав, что ниже падать некуда, он решил выпить пива и посмотреть телевизор. Примерно в тот момент, когда пульт наконец-то дощелкал до спортивного канала, в коридоре раздался грохот, будто стену дома пробили насквозь. Оказалось, это Вероника пыталась затащить свое барахло в дом, но грязный груженный этюдник вывалился из ее рук и на пол посыпались тюбики с краской, растворители, палитра, а следом картонки и здоровенный холст. На шум скорее всех прибежала Лариса, а девушка так часто и суетливо извинялась, что Павел рассмеялся. Он мысленно выругался, но поднялся с дивана, чтобы предложить помощь. Нику словно подменили. Измотанная, вся в краске и какой-то грязи, на лице выражение мировой скорби и печали. Она словно уменьшилась в размере и выглядела ребенком – совсем маленькой девочкой. Он хотел – он действительно планировал забить и вернуться к спортивному каналу, поэтому ненавидел себя за следующую фразу:

– Что случилось, у тебя все нормально?

Девушка заверила, что все в норме пулей поднялась в спальню, без перерыва благодаря всех за помощь. Весь настрой расслабиться куда-то делся. Радужный список пока-

зался Павлу глупым. Он вновь ощутил, что ситуация нелепая, а он идиот.

Вероника спустилась через час. Выглядела свежее – длинный черный сарафан ей был очень к лицу. Волосы слегка влажные, растрепанные, щеки и нос красные от солнца. Впервые Павел понял, что она действительно красива. Как-то по-своему, по-особенному притягательно красива. Особенно глаза – живые и яркие.

– Прости, что отвлекаю, я хотела бы поесть, – сказала она непривычным, извиняющимся тоном.

– Да, конечно, – спохватился Павел, – можно попросить Ларису, можно заказать еды...

– Не надо никого беспокоить – отведешь меня на кухню? Я буду рада и помидору.

Перемены эти сбивали с толку. Казалось, он готов сделать буквально что угодно, лишь бы вернуть ту Нику, которая разожгла в нем авантюризм.

Холодильник девушка изучала так долго, что Павел засомневался, не уснула ли она стоя. В конце концов, объявила, что сейчас будет греческий салат. Подготовка шла быстро и легко. Помидоры будто сами собой превратились в аккуратные кубики, а брынза за секунду покрылась ароматной заправкой. Ника молчала, а он пялился в телефон. Хотя это было прикрытием – пялился Павел на нее.

Ужинали за столом на кухне. Салат и хрустящий поджаренный хлеб были изумительными, но девушка только ковы-

рjala в тарелке.

– Что случилось-то? – вопрос получился слишком заряженным. Ника вздрогнула..

– Да мне стыдно. Не понимаю, как ты вообще меня терпишь. Я, наверное, вышвырнула бы себя из дома сразу. Хотя нет, я бы себя и домой-то не привезла... Я к тому, что ты мог понять мои намерения неверно...

– Ммм?, – Павел сумел вытянуть из себя только странный вопросительный звук.

– Ты же не знаешь, кто я такая. Наверное, ты решил, что я хочу нуу... ты понял – отношений, или типа того... Но я не настроена, Паша, на это. – Ника впервые назвала его по имени, и это было так мило, что он тут же принялся думать про те самые отношения, на которые она не была настроена. – В общем, я хотела провести выходные за городом. Просто порисовать, понимаешь...

– Ну да, мы ведь так и договаривались... – поспешил заверить ее Павел.

– У меня есть па... – она на секунду запнулась, – я уже состою в серьезных отношениях. Мне не нужно романтики и всего такого. Я просто хотела рисовать – случайно наобум высказала это желание тебе – и бац, ты типа как согласился. Это было случайно, понимаешь...

– Ну понимаю, понимаю, все хорошо. – Ничерта Павел, конечно, не понимал, но уверенно продолжал – у меня как бы тоже кое-что серьезное на горизонте, поэтому все нор-

мально.

– Как чудесно, я так рада! – Ника заметно оживилась, – прямо даже не верится. Все так странно, но классно сложилось.

– Да уж. Так ты из-за этого расстроилась? Тебе что, неловко тут быть?

Она серьезно взглянула ему в глаза. Так внимательно, как будто пыталась разглядеть что-то внутри черепа.

– Я назвалась художником, но не умею толком рисовать. Я рисую дрянь. – Она уставилась в тарелку. Казалось, неминуемо польются слезы, но она сумела их сдержать. – А еще я порой веду себя глупо и мне потом стыдно за свое поведение.

– Слушай, мне все равно, как ты рисуешь. – Павел был готов запрыгать от радости, что разгадал этот ребус. – Хочешь рисовать – рисуй! Не хочешь – не рисуй. Хочешь жить за городом – пожалуйста, только давай, может, познакомимся? Вдруг ты серийный убийца. Или я серийный убийца...

– Меня зовут Вероника, мне 26. Живу в Питере и уже лет 5, как у меня серьезные отношения. Рисовать люблю с детства... Могу, кстати, тебе паспорт показать, но лучше, наверное, страничку в «Контакте»? А, еще я сейчас не работаю. У меня квартира неподалеку от того места, где ты меня забирал утром.

– Давай страницу, – Павел улыбнулся, отмечая, что на 26, особенно сейчас, она не выглядит ну никак. Вероника по-

просила телефон, и быстро нашла свой аккаунт в сети:

– Вот я, можешь добавляться в друзья. Там все правда.

Он мельком пролистал фотографии со стены – в основном, природа, смешные цитаты, порой рисунки.

– А картины твои?

– Да, мои – но, как видишь, они так себе.

Рисунки явно были яркие и любопытные, хотя, конечно, в искусстве он силен не был. Отметил также, что ни намека на отношения на странице, но решил не уточнять этот вопрос.

– А я Павел, мне 30, работаю директором отдела в фирме отца. Мы занимаемся строительством. Родился в Красноярске, переехал в Питер давным-давно. В друзья тебя добавил. – Ника улыбнулась.

– Ну и круто. Познакомились! Ты не против, если я остаюсь завтра, до вечера?

– Я не против, даже если ты тут на месяц поселишься. Мне, честно сказать, все равно. Дом пустует. Только тебе придется показать, что ты рисуешь. А то, если это соседи в неглиже или карты-схемы нападений пришельцев, я могу передумать.

Ника рассмеялась и кокетливо пошутила, что предлог подняться к ней в спальню получился изящным. У входа в комнату, его сразил резкий специфический запах, как он понял позже, лака и масла. Картины были выстроены в ряд, вдоль стен, с аккуратно подложенными картоночками, чтобы ничего не замарать. Павел поразился, что она накрасила

штук 5, не меньше, а в стопке еще лежали карандашные наброски.

– Вот это да! – только и смог сказать он. Здесь были несколько этюдов моря, набросок их дома, красиво утопающего в яблоневых деревьях, пара набросков маленького мальчика и одна непонятная картина – больше всего она напоминала солнце.

– Ты, наверное, думал, что я прям художник, а я так – просто люблю кистью махать.

– Очень даже ты художник. Мне нравится. Особенно эта, – он показал на странное солнце.

– Ооо, – изумилась Ника, – а я ее планировала закрасить... или сжечь. Спасибо! – она посмотрела ему прямо в глаза – и повторила, – спасибо тебе за все.

Павел улыбнулся. И больше всего ему захотелось поцеловать ее. Но, решив, что это желание скорее вызвано стереотипами и пивом, чем душевными порывами, он наскоро попрощался и поспешил уйти из комнаты с твёрдым намерением вернуться в Питер с самого утра.

4

Ночью Павел спал как убитый, а проснулся от щебета птиц за окном. Уже давно на его памяти не случалось таких приятных пробуждений. Казалось, он полон сил и способен свернуть горы. По дому разливался аромат выпечки и кофе, которые будили непривычно зверский аппетит. Из кухни

доносились возбужденные женские голоса. Оказалось, Ника познакомилась с Ларисой поближе, и теперь они громко трещали обо всем подряд. Хотя одета девушка была также, как и вчера, выглядела иначе: свежая, озорная, кудряшки одуванчиком, вся прямо светится радостью. Да и Лариса давно не была такой веселой – аж утирала глаза от смеха.

– Всем привет! Похоже, я пропустил что-то смешное. Что на завтрак?

– Вкуснятина невероятная, – с жаром затараторила Ника, – пожалуй, я не ела таких вкусных круассанов ни разу в жизни – ни во Франции, ни в Италии! А кофе... это нечто! С шоколадом, сливками и гвоздикой – у Ларисы просто золотые руки. Ей нужно открывать свою кофейню!

– Ого, – удивился Павел. – Давненько ты меня такими завтраками не баловала.

– Так вы давненько и не приезжали!

Продолжить трапезу решили на террасе. Утреннее солнце, на небе – ни облачка, вокруг – цветущий сад. Запах булок и кофе примешивался к запахам земли, скошенной травы и залива. Павел поразился, как часто он ездил за границу, чтобы насладиться тем, чтоб было доступно тут. Вдоволь наевшись, он откинулся на стуле и уже практически забыл, что планировал вернуться в Питер спозаранку.

– Чем займешься сегодня? – спросил он Нику, которая тоже откинулась на стуле и лениво потягивала апельсиновый сок через трубочку.

– Рисовать пойду. Но сперва хочу искупаться.

– Отличная идея, я уже пару дней не был в спортзале, – подхватил Павел.

– Не представляю, какая нужда бы меня загнала в спортзал, если есть возможность плавать и бегать у моря.

Первым делом, как пришел к бассейну, Павел проверил почту. Секретарша писала уйму сообщений, первым из которых было с вопросом не умер ли он, раз не звонил почти сутки. Ощущение, словно школу прогулял. Но приятно, как будто долго и сломя голову куда-то бежал и вдруг можно остановиться и отдышаться. Наскоро ответив на самые важные вопросы, он отложил телефон и принялся за книгу по речевым коммуникациям – одну из тех, что рекомендовали на последнем тренинге. Вот только та оказалась настолько нудной, что от чтения отвлекало буквально все: и газонокосилка, и насекомые и даже мысли, которые периодически вращались вокруг вчерашнего ужина. Что, интересно, он имел в виду, когда ляпнул, что про свои “серьезные отношения”, которые наклеиваются? Аврору Вячеславовну что ли? Конечно, дочка Комарова – это очень серьезно. Возможно даже слишком серьезно, но надо ли это ему? Шикарный образ девушки тут же выплыл из памяти: длинные блестящие волосы, всегда как зеркало, точеная фигура, ноги неприличной длины. Настоящая красавица и явно знает это. Вот только ее лицо так и не вспоминалось. В общем, та самая невеста, что ему и нужна – красива, богата, с ней он станет сильнее, вли-

ательнее. Конечно, придется потрудиться, чтобы ее заполнить. Но в успехе этой затеи Павел не сомневался. Он вспомнил один из званных ужинов, что они посетили вместе: завистливые взгляды, шепотки, флирт. Да, ему нравились эти ощущения. Он устроился поудобнее в шезлонге и постарался представить ее рядом, но почему-то не получилось.

Ника в пестром купальнике и бандане пролетела мимо него и без церемоний плюхнулась бомбочкой в бассейн и тут же издала возглас не то наслаждения, не то диких мук. Вода была холодная, но плавать Павел любил и решил составить Нике компанию.

– Знаешь, – сообщила она, словно прочитала его последние мысли, – твоим “серьезным отношениям” повезло – ты завидный жених! От дома я в восторге! Ты не против, если я выставлю “Вконтакте” немного фотографий вашего дома? Тут так красиво, хочется поделиться – Ника причалила к бортику и шутившись, смотрела на облака.

– Да, почему нет. У тебя много классных фотографий.

– О, да ты ее все-таки изучил страницу! И как?

– Ты отлично рисуешь и снимаешь. И у тебя интересная жизнь. Та фотография, где ты переодета пиратом, мне очень понравилась. – Ника расхохоталась.

– Да, роскошный кадр. Спасибо за комплимент!

– Только я не понял, кто там “тот самый”? – Павел изумился, что спрашивает об этом, но слова шли будто сами собой – На фото рядом с тобой все мужчины разные, никто не

повторяется.

– Просто он не любит публичности. Ему кажется, что в соцсетях не место настоящим чувствам.

– Как изящно! – притворно восхитился Павел. – Ни разу за 5 лет не появиться в соцсетях? Да он у тебя спецгент?

– Он у меня круче, – заверила Ника.

Воображение Павла нарисовало неприятного высоченного типа в пошитом на заказ костюме. С бородой, темными очками, кейсом и охранниками.

– Знаешь, если ты говорил серьезно, то я с удовольствием останусь тут на неделю. Лариса сказала, они тут всегда, и гостей давно не было. Выходит, дом и впрямь пустует.

– Да, после смерти мамы отец только что не ночует на работе... Лариса сказала правду.

– Мне жаль, что твоя мама...

– Она медленно умирала. Рак. Признаюсь, в конце... – внезапно Павел умолк и поспешил выскочить из бассейна, не придумав ничего лучше, чем “у меня звонит телефон”.

Вернувшись через добрые полчаса, он обнаружил, что Ника лежит на шезлонге и выглядит спящей. Продолжать диалог не было необходимости, поэтому Павел с облегчением вернулся к книге и со всем мужеством продолжил пробираться через витиеватые обороты “деловых коммуникаций”.

Еще один вечер наступил как-то незаметно. Ника принесла с пляжа очередную стопку жутко пахнувших этюдов, и они засели ужинать.

– Я планировал поехать в Питер сегодня – ты точно остаешься?

– Да, не переживай. Твой телефон у меня есть – если что, позвоню. Или ты звони, если мне нужно будет съехать, – Вика с аппетитом жевала кукурузу, которую они приготовили на гриле.

– Хорошо. Погода чудесная, рад, что выбрался из города.

– Это точно! Летом Питер, конечно, хорош, но тут... – она осмотрелась, – просто сказка. Наверное, в городе сейчас одни туристы, а все местные были как раз где-то поблизости.

Павел совсем забыл, что сегодня воскресенье, и даже прищипнул, проверяя дорожную ситуацию.

– Придется утром ехать. Не хочу проторчать на трассе полночи.

– Вот и чудно. На природе спать очень круто. Ты куришь?

Вопрос и смена темы на секунду поставили Павла в тупик.

– Я бросил. Бросаю... А что?

– Как насчет кальяна?

– У нас его нет.

– Так он в гостинной стоит...

– Я думал, он декоративный.

– Ну, конечно... пластмассовый, – Ника расхохоталась. –

Ваня мне сказал, у него отличный табак есть.

– О, ты и с садовником успела подружиться?

– Садовник звучит, будто из глупых романов. Пусть будет менеджер по кустам и грядкам. И да, он дружелюбный и со-

общил, что у него есть отличный вишневый табак. Я хочу покурить. Ты со мной?

Клубы ароматного дыма витали в воздухе. Ночь была не такой светлой, как вчера – небо заволокли плотные темные облака. Собирался дождь. Павел слышал гудение насекомых, музыку у соседей, отдаленный лай собак. Ему казалось, он слышит даже шум накатывающихся на берег волн, хотя прежде никакой такой чуткости в себе не замечал. Ника растянулась поодаль, на прохладной траве. Между ними стояла тарелка с фруктами. К ароматам кальяна примешивался запах яблок и апельсина. Все ощущения будто обострились. Ника притащила мобильный телефон и негромко включила музыку, чтобы было уютнее молчать. Павел узнавал знакомые мелодии, старые песни в стиле “Романтик коллекшен” и его веселили периодические энигма–напевы.

– Знаешь, когда я была маленькая, я всем говорила, что стану художником, – вдруг заговорила Ника. – Мне никто не верил. И потом я сама перестала в это верить. В старших классах решила, что это глупость. Несколько лет даже не вспоминала, что такое краски. А потом встретила его. Да. Без Славика я, наверное, так бы и не начала рисовать. Но он так верил мне, так старался угодить...

– Он художник? – Павел представил тощего очкарика в грязном свитере, берете и с длинными сальными волосами.

– Нет, не художник. Но очень творческий человек. – В воображении берет сменился на бандану, а свитер на майку

в стиле “Миру мир”. – И любит меня, – добавила Ника.

– А ты? – внезапно для себя спросил Павел.

– Невозможно не любить, когда тебя так любят, – серьезно сказала Ника, и прозвучало это как будто очень тонко и глубокомысленно. Хотя вишневый аромат кальяна всерьез затуманил Павлу мозги, поэтому сейчас все казалось каким-то особенно величественным и наполненным смыслом. Ника продолжала – в какой-то момент он убедил меня, и я решила, что мои картины и правда могут нравиться. Ну, пусть не всем, но, по крайней мере, я перестала бояться. Сейчас мне совсем не стыдно признаться, что мне приятно, если они висят в чьих-то домах и радуют хозяев.

– Я бы точно повесил твои картины в моей гостинице, – Павел сам подивился тому, что несет.

– У тебя гостиница? – Ника даже приподнялась на локтях. Взгляд Павла скользнул по ее горящим глазам, влажным губам, тонкой шее, спущенной лямке платья, груди, очертания которой подчеркивала легкая ткань, и поспешил отвести глаза.

– Нет, нет, конечно. Просто с детства мечтал, что будет. Ну, что я буду там жить и всегда завтракать в кафе отеля. Постояльцы, конечно, со мной здороваются. А я неспешно смотрю в окно на море.

– Мммм... как классно! Надеюсь, у вас будет своя пекарня!

Из мобильного Ники донеслось:

"Так особенно сегодня звезды горят.

Так говорят, а я не вижу их –

Занят мой взгляд..."

– Да, это всего-то бредовые мечты, – Павел поспешил перебить слишком уж прямолинейную песенку – и внезапно ощутил прикосновение, которое вызвало волну мурашек по всему телу. Ника коснулась его руки и слегка сжала ее:

– Паша, если ты этого хочешь – так и будет, не сомневайся! Твой отель будет лучшим в мире.

Подмигивающие звезды, вишневый дым, аромат травы и фруктов, восторженная Ника, стрекот сверчков, – все было так волшебно, что и его детская мечта казалась в тот миг практически явью. Они замолчали, и назойливая песня продолжалась:

"Вокруг тебя весь мир кружит.

По тебе с ума сходят.

Ты так особенна, ты так особенна"...

Мелодия играла настолько тихо, что Павел даже засомневался: а действительно ли это текст песни, или так додумывает его подсознание. Песню сменила другая мелодия. Ника поднялась и сообщила, что пошла спать. Павел продолжал лежать на траве, стараясь удержать странное состояние "здесь и сейчас", но без девушки оно быстро улетучилось. Быстро навалилось понимание, что уже поздно, что завтра его ждет тяжёлый день, куча проблем, и привычная гонка на результат.

Офис гудел с самого утра. Поскольку Павел впервые на памяти сотрудников опоздал на работу, перешептывались за его стеной едва ли не с остервенением. К обеду ему уже написали роман, тяжелую болезнь и ссору с отцом. Одновременно.

Секретарша Алена сообщила, что “влюбился” – самый непопулярный вариант. К ее шуточкам он привык относиться снисходительно, но сегодня палку она явно перегибала.

Вечер наступил незаметно. Было забавно наблюдать, как одни сотрудники чаще поглядывали на часы и явно не знали, чем еще себя занять, а другие наоборот, вдруг активно включились в задачи, чтобы не задерживаться в офисе. Павел задумался о своем будущем. Неожиданно пришла мысль, что отношения – это не так уж и плохо, и классно, когда есть ради кого устраивать выходные и торопиться домой. Сама собой нарисовалась в голове Ника – шабутная и непредсказуемая, которая ждет его в коттедже со своими горящими глазами и вонючими холстами. Он смутился, попытался подредктировать картинку на Аврору и спустя полчаса даже позвонил ей. Но ужинать сегодня, конечно, она не согласилась. Да и ни одна девушка его круга не примет предложение сразу и не придёт вовремя. Упаси боже. Он называл это особым “бабкодексом” и всегда подыгрывал. В среду, разумеется, совершенно случайно, у нее было “окно”. Павел не сомневался, что это означало в переводе на реальность: “мне дико скуч-

но уже сейчас, но дотерпеть для приличия надо хотя бы до среды". Они договорились встретиться в новом ресторане, название которого выговорить у него не получилось.

Время летело. Суета, согласования, проблемы с подрядчиками, снова суета, и вот он уже ужинает в изысканном ресторане с самой красивой девушкой, что когда-либо встречал. Аврора с помощью сомелье выбрала идеальное вино для идеальных креветок, витиевато политых идеальным соусом. Павел чувствовал себя как на экзамене и его захватил привычный азарт сдать "на отлично". Он шутил, притворялся и очаровывал. Но Аврора, очевидно, приготовилась держать оборону до последнего. Эти игры он знал: набить себе цену, поставить мужчину на колени – это вполне предсказуемо и логично. Ему не трудно подыграть. В конце концов, почему бы не дать ей возможность почувствовать власть, ощутить себя умнее и ценнее. Так или иначе, они оба знали, к чему ведет эта игра.

После ужина – коротенькая прогулка до такси, восхищение центром и погодой, вычурный поцелуй руки. Аврора уехала домой. А Павел отправился в "Макдональдс". Но ночь настроил обязательное сообщение – спросил, как она доехала и пожелал спокойной ночи. Наутро даже отправил цветы: "Спасибо за вечер, думаю о тебе". Его тошнило от себя – набирая подпись, телефон подсказывал частые, привычные слова – он ни раз писал это девушкам.

– Алена, придумай, куда мне сводить королеву Англии?

– В паб? – секретарша привыкла к подобным приветствиям шефа и заулыбалась, оторвавшись от бумаг.

– Неплохо. Но выбери тот, что с молекулярной кухней... ну, чтоб там подавали низкокалорийное пиво в виде мороженого, под соусом со вкусом чипсов. Или там, прогулку на дирижабле можно... В общем, суть ты уловила... Придумай на свой вкус...

– О, мюзикл! – оживилась она.

– Давай попробуем! Достань два билета на самый пафосный, какой найдешь.

– В Питере или во Вселенной? – уточнила Алена, записывая в ежедневник красными чернилами.

– Давай пока в Питере. И пожалуйста, найди мне такой крепкий кофе, какой только бывает – голова раскалывается.

Павел хорошо знал эту головную боль. Она означала, что он опять ввязался в проект, который ему не по душе, и кажется это был проект “Аврора”. Очень кстати Алена достала два прекрасных билета на мюзикл – гастроли французского театра, спектакль давали всего один вечер, в пятницу. Как и прогнозировал Павел, девушка отказалась уже занята в пятницу – обещала встретиться с подругой и планы не отменить. Он отправил ей билеты с очередными цветами и пожеланием отлично провести вечер с подругой.

Алена, которая и оформляла его красивый жест – заказывала цветы и выбирала конверт для билетов – аж присвистнула. Павел от души посмеялся, но предупредил, что палку

та перегибает.

Всю неделю его так и подмывало позвонить Нике. Но в рамках компромисса он предпочел названивать Ларисе и столько раз переспрашивал, все ли нормально, что сам смеялся над собой. Было ощущение, что звонил исключительно, чтобы удостовериться, что та художница вообще существует и прошлые выходные были реальностью. Потом его осенило – Павел вспомнил про соцсети. Судя по страничке, у Ники все шло чудесно: она выкладывала красивые фотографии пляжа и процесса работы – краски, разбавители, холсты в работе... К пятнице он с ужасом обнаружил, что за пару дней заходил в контакт чаще, чем за последние пару месяцев. Написать сообщение он долго решался и после мучительных размышлений, волнуясь, отправил-таки: «Привет! Как дела? Как прошла неделя?».

Ответ прилетел спустя час и обошелся в 30 обновлений страницы, четыре мата и полторы бутылки пива. Экран загорелся. Павел прочитал: “Привет. Норм. Спасибо огромное еще раз. Устала даже рисовать. Сегодня иду на вечеринку. Соседи у вас что надо!”.

Он едва не поперхнулся. С соседями они особо не общались, но в том, что они весьма влиятельные люди, сомнений не было. А если Ника скажет, что живет в его доме? А если она наделает глупостей? А если что-нибудь наговорит о нем? А если она специально приехала за ними следить? С ними знакомиться? А вдруг она проститутка или торгует нарко-

той... Павел выругался – ему было ненавистно ощущение, когда все выходит из-под контроля. Не успев остыть, он уже ехал в такси.

Дорога ожидаемо заняла уйму времени. Павел возненавидел пробки, дачников, загород... но ещё больше себя за этот поступок. За то, что вообще допустил такое. Конечно, можно было бы позвонить и в очередной раз устроить допрос Ларисе, но это казалось ему глупым. То есть, еще более глупым. К дому он подъехал в совершенно растрепанных чувствах, испытывая злость и смущение одновременно.

Его встретила тишина. Испуганная Лариса вышла далеко не сразу.

– А, это вы, Паш. Вам что-нибудь нужно? Я уже спала практически.

– Нет, все хорошо. Приехал вот на выходные... У вас все хорошо? – он помедлил, но спросил, – Как Ника?

– О! Ника – чудесная девушка! Просто радость, да и только. Надеюсь, вы поженитесь! – оживилась Лариса.

– Да нет же... Ох, Лариса, – пришлось собрать все моральные силы, чтобы сохранить хоть какое-то спокойствие – так она где?

– Ее пригласили на вечеринку, ушла плясать.

– Хорошо. Прости, что разбудил.

Лариса попрощалась и ушла, а Павел, слишком взбудораженный, чтобы спать, решил прогуляться вдоль берега. Полная луна красиво отражалась в воде. Вдали виднелись огни

города. Откуда-то доносилась ритмичная музыка и его так и тянуло пойти послушать, откуда именно.

Злой и уставший, он задремал прямо на диване в гостиной, поэтому от звука открывающейся двери моментально подскочил. Глазам потребовалось некоторое время, чтобы узнать Нику в белом расплывчатом пятне. Видно было, что она изо всех сил старалась не шуметь.

– Который час? – спросил Павел нарочно громко, чтобы обозначить свое присутствие. Ника взвизгнула и подпрыгнула, выронив то, что держала в руках. В миг она долетела до выключателя, но ей потребовалось время, чтобы нащупать его на стене. Глаза резануло ярким светом.

Как только Павел увидел ее, на него накатила волна необъяснимой ярости. Ника была в мужской белой рубашке, раскрасневшаяся, с растрепанными влажными волосами и горящими глазами.

– Милый наряд! С соседями ближе знакомилась?

– Да, я же писала, что...

– Да, они мне тоже так и суют свои рубашки... – Павел злился, но не мог и даже не хотел унять эту ярость.

– А, это... Так было просто удобнее...

– Ну, конечно, удобная классика – девушка в его рубашке... А как же твои отношения?

– А при чем здесь они? – Ника начинала свирепеть.

– Да, конечно, ни при чем... Видимо, у вас долгие, но свободные отношения.

– Да если и так, тебе-то что с того?

– Да потому что ты в доме моего отца! Вообрази, какие пойдут слухи! Уже завтра все начнут говорить, что в его доме живет про...

– Слушай, ты себе что позволяешь? – она орала звонко, но Павла было не остановить – он вскочил на ноги и кричал теперь во всю мощь.

– Я тебя пригласил не для того, чтобы ты соседей развлекала. Думал, в 26 лет уже не нужно объяснять про репутацию... Надеюсь, под этой рубашкой у тебя осталось хотя бы белье...

– Нет! Мои трусы развиваются флагом над вашим домом! Чтобы всем было понятно, что проституточная открыта – проорала Ника. – Я уезжаю немедленно! – добавила она и, насколько могла гордо, промаршировала к лестнице.

– Вот и давно пора... – прокричал ей в догонку Павел и возглас этот потух в ночной пустоте.

Он немедленно пожалел, что раскричался. Это было абсолютно глупо, не к месту и ничуть на него не похоже. Орать, как придурок, да еще и на малознакомую женщину – это было за гранью допустимого. И как теперь быть? Что теперь делать? Не успел он осознать, что произошло и нормально успокоиться – до него донеслись легкие шаги Ники. Как ни в чем не бывало, та спустилась по лестнице и подошла к нему. Вид у нее был все еще включенный, но рубашку она сменила на свой длинный черный сарафан.

– Не поеду сегодня. Поеду завтра. А то этюды не высохли, а я сегодня как на зло не на лаке, а на масле писала.

Павел пялился на нее долгих секунд 10, а потом расхохотался так же громко, как орал до этого. Ника не выдержала и тоже засмеялась, сперва тихо, а потом все громче и громче. Они оба смеялись до слез.

– Слушай, я понимаю, почему ты злишься, – с улыбкой сказала она. На самом деле Павел тоже понимал, почему, и внутри все похолодело от мысли, что Ника догадалась. Ведь он хотел, чтобы на ней была ЕГО рубашка, чтобы это С НИМ она провела вечер. Он скатился до тупой ревности, и было стыдно это признать. – Я бы тоже распсиховалась – репутация важна, я прекрасно принимаю это! Но я была на вечеринке по случаю поступления в ВУЗ одной местной девушки. У них был девичник. В итоге ее подружка напилась и обрыгала мое платье. Чтобы не возвращаться в нем, мне предложили, что-нибудь из одежды. Но они такие глупые, что уже приготовились превратить все это в забаву – достали разные платья, как в тупых американских комедиях, и начали беситься, примеряя наряды. Я увидела на сушилке эту рубашку, надела ее и поспешила свалить. Кстати, я не пью алкоголь года 4, а все в округе очень уважают тебя и твоего отца.

Ника говорила спокойно, уверенно. От ее голоса веяло уютом. Павел ощущал, как разгораются от стыда его щеки. Он не знал, как извиниться. Необъяснимая нежность переполняла его изнутри и получилось выдать только:

– Прости, я debil. Не знаю, что на меня нашло.

– Да ну, понятно же, что ты спросонья, а не со зла. Прости, что разбудила. Давай, спи дальше!

Ника быстро ушла. Уже вдогонку он крикнул: “спокойной ночи” и разулыбался, услышав: “приятных снов” в ответ. Заснуть не получалось. Снова и снова прокручивал эту сцену и поражался, с каким спокойствием она встретила его гнев, будто само собой разумеющееся. Как ловко остудила, да еще и перевела все в шутку. Спокойно приняла извинения – без всякой гордости и превосходства. Нет, он не мог разгадать Нику. Ее мудрость и внутренняя сила никак не соответствовали образу безбашенной девочки, какой он увидел ее впервые. У нее словно не было возраста, как вода она принимала то одну форму, то другую. Зато неизменными оставались природное обаяние и сила. Павел подумал, что каждый образ Ники был близок его душе и любопытство тянет наблюдать эти ее грани, превращения дальше. Проваливаясь в сон, он подумал, что еще ни с кем не был таким настоящим – со всеми своими глупостями и загонами.

Наутро об инциденте не вспоминали. На улице моросил дождь, но после недельного зноя он был кстати. Ника спустилась в джинсах и пестрой футболке. Волосы – вновь торчат и кудрявятся, как хотят, на лице ни намек на макияж. Павел подумал, что не видел девушек без макияжа, вероятно, со школы. Она показалась задумчивой и попросила Ларису сварить какао, так как “ничего милее какао в дождь не

бывает". Аромат шоколада и корицы быстро заполнил всю комнату.

– А ты чего приехал? Я думала, у тебя дел гора и выходных не бывает.

– Да... эээ...

– Уж не спастись ли дом от меня? – проницательно усмехнулась Ника – Я же специально всю неделю постила Вконтакте, что с домом все чудесно – чтобы ты не переживал.

– Да, я смотрел. Спасибо! Не знал, что для меня. Покажи, что получилось?

Нехотя она согласилась на экскурсию. Комната была заставлена этюдами по всему периметру. В воздухе витал запах краски, льняного масла, лака и еще чего-то непонятного.

– Как у тебя тут голова не кружится? Такой сильный запах.

– А мне нравится, как пахнет. Я привыкла.

Этюды были разными. Первые – те, что он видел на прошлой неделе – смелые, дерзкие, размашистые. Краски открытые, яркие, словно кричат. Крайние – те, что “нельзя трогать, пока сырые” – вдумчивые, спокойные, изящные. Портреты детей забавные, но торопливые, видимо она спешила уловить моменты. Был даже красивый портрет молодой загорелой девушки.

– Вот, это у нее я вчера была, – показала Ника ногой на этюд.

– Аааа, это ж Катя.

– Ооо, узнаваемо! Отлично!

– Ты действительно молодец! – с жаром похвалил Павел. Ника была явно смущена, но похвалу ей было слушать приятно. – Все-таки с солнцем – самая красивая, – подвел он итог, осматриваясь еще раз. – Я бы даже ее повесил. – Девушка рассмеялась.

– Да, ты, я смотрю, такой себе знаток-ценитель. Нет, я не подарю тебе эту ерунду, можешь даже не просить. Сегодня – максимум завтра все как раз досохнет, и я поеду.

– Куда? – поспешно спросил Павел. Ника удивленно приподняла бровь.

– Так домой, как договорились. И дел у меня накопилось. Да и Славичек вернулся.

Павел мигом представил себе крепкого бородатого альпиниста, одетого в стиле канадских лесорубов. Как он, раскидывая грязь с ботинок и погромыхивая 80-литровым рюкзаком, бежит с криками "я вернулся". В груди что-то неприятно заворошилось. Нет, сегодня это была не ревность, а скорее тоска. Сейчас он думал о Нике как о сестре – тепло и нежно, с непонятной заботой.

Дождь за окном усилился. Сперва слабый и нерешительный, к обеду быстро набрал обороты и теперь лупил по крыше и подоконникам совершенно не стесняясь.

– Давай порисую тебя? – предложила Ника.

– Голым? – мгновенно отозвался Павел. Девушка заразительно рассмеялась.

– Нет, прости, милый, но нет. Я имела в виду портрет.

– Я пошутил, – запоздало сообщил он, но никто этого не услышал. Увлеченная Ника уже накидала тюбиков и кистей в этюдник, а теперь выбирала одну из грунтованных картонок.

Устроились в гостиной. Все шторы были бесцеремонно сдвинуты в угол – чтобы было больше света. Павел уселся в кресло, но расслабляться не приходилось – примерно полчаса Ника заставляла его крутиться вместе с креслом на месте, чтобы наконец-таки установить его идеально. А еще она буквально заставила его включить телевизор, чтобы он не проклял все минут через 10. Ее опасения были обоснованные, так как Павел устал от своей недолгой карьеры натурщика еще до того, как Ника приступила к работе.

Говорить ему строго запретили. Но, погруженная в процесс, она то и дело вскрикивала: “шея”, “подбородок”, “нос”, “куда ушел нос!?”. Стараясь даже не моргать, Павел от скуки гонял 150 телеканалов по кругу. Если это и действовало на нервы художнице – она помалкивала. В те редкие минуты, когда работа шла над руками или плечами, Павел поворачивался и наблюдал за работой. Ника выглядела особенно необычно, начиная с грязно-серого фартука, из карманов которого торчали тряпки и кисти, заканчивая сосредоточенно-маниакальным выражением лица. Складывалось ощущение, что она здорово злится или проигрывает грунтованному картону сложную партию в шахматы. Но несмотря на хмурый, даже злой вид, она была прекрасна как никогда. Павел радовался, что познакомился с еще одной гранью Ники.

Примерно через час было велено встать и размяться, но подходить к портрету она запретила строго-настрого. Еще одна передышка случилась спустя полчаса, когда нужно было почистить палитру. За это время Павел успел посмотреть по телевизору, как женщина в белом проверила чей-то туалет, а пара украинцев посетила Нью-Йорк. В животе уже давно и настойчиво урчало, но у Ники был такой яростный вид, что заикнуться об обеде Павел побоялся.

На улице становилось все темнее. Дождь стоял стеной, а черные тучи намертво заволокли небо. Примерно когда он подумал, что умрет от голода в этом самом кресле, девушка отложила палитру и кисти, сняла фартук и бухнулась на диван.

– Перерыв? – радостно спросил Павел, не веря своему счастью.

– Я закончила, – устало сообщила художница.

подавляя порыв пуститься вприпрыжку до холодильника, он сел рядом с Никой на диван.

– Ну как?

– Неплохо, кстати... вот только глаза...

Она посмотрела ему прямо в глаза, и Павел застыл, боясь моргнуть и пошевелиться. Он смотрел в ответ в ее серые бездонные глаза, и чем дольше это продолжалось, тем ближе и роднее казалась ему девушка. Все вокруг стало неважным, как будто теперь только этот контакт имел смысл. Он не понял, как обнял ее, и в какой момент впился губами в ее гу-

бы. По телу пробежало электричество. Секунда прошла или неделя – не понятно. Время будто пошло в другом ритме. Ника отвечала на поцелуй нежно и яростно одновременно, и не было ничего прекраснее этого. Внезапно все оборвалось. Она отскочила, и прежде чем Павел успел хоть как-то прореагировать, выбежала на улицу через террасу.

Следом за ней он не пошел. Было несколько вариантов развития событий, и ни одного он не хотел. Произошедшее было непростительной ошибкой, и теперь уже ничего не станет как прежде. Чтобы отвлечься, Павел подошел к этюднику. Портрет получился пронзительным: серебристые тона, размашистые штрихи. Его собственное задумчивое лицо, короткие волосы. Казалось, что вот-вот его окликнут и он обернется. Все нарисованное пространство звенело, казалось, даже звук дождя идет не с улицы, а из картины. Идти за Никой он так и не решился, хотя хотел. Победила та часть его сознания, которая порой говорит голосом отца: "У нее отношения. У тебя Аврора". Девушка вернулась спустя час – насквозь вымокшая и растерянная. Вмиг сбежала по лестнице, и, судя по звукам, отправилась принимать ванну. Павел наскоро поел и накрыл стол для нее, но дожидаться потрусил и скрылся в кабине. Спустилась Ника уже поздно вечером и то, только чтобы наспех собрать этюдник, почистить материалы и привести комнату в изначальный вид.

напоминали только лужи. Не успел он прийти в себя после запутанного сна, телефон завибрировал – звонил отец.

– Сын, привет! Давно не виделись. Лариса сказала, ты у залива.

– Да, я...

– Слушай, Комаров, оказывается, наконец-то в городе, мы договорились с ним встретиться. Он сказал, ему нужно как раз в наш район и я пригласил его в дом – мы приедем днем. Скорее всего, он будет с дочерью. Ларису я предупредил.

Прежде чем сообразил, что ответить, разговор был завершен. Он тяжело вздохнул. Примерно так и представлялся ему худший вариант развития событий. Вероника уже завтракала, и Павел обрадовался, что застал ее, но понятия не имел, что сказать.

– Привет! За мной заедут в обед, это ничего? Я все собрала, и готова ехать хоть сейчас. Просто мне было бы удобнее дожждаться обеда.

– Привет... может, поговорим по поводу вчерашнего?

– Не помню, что такого было вчера, что можно было бы обсудить. Ведь ровно ничего не было, Паша!

Ели молча. Он прикинул, что даже если отец застанет Веронику тут – все в пределах разумного. Она действительно собрала вещи – он видел аккуратно перевязанные стопки холстов, картонок, собранный этюдник и сумку. На ней был все тот же черный сарафан, но сегодня она надела его с цветастой майкой. Волосы приглаженные, глаза подведены.

“Уж не для меня ли она нарядилась?”, – мелькнула мысль в голове Павла, но он не понял, как к этому отнестись. Ника закончила завтрак, сполоснула чашку и ушла прогуляться с фотоаппаратом. Павел выдохнул с облегчением. Так действительно было лучше.

Отец и Вероника зашли в дом одновременно. Только Роман Витальевич – с парадного входа, а девушка с террасы. Павел ощутил, как у него вспотели ладони и поспешил их вытереть о джинсы. Следом за отцом был Комаров, и через окно он заметил, что у машины стоит Аврора. Видеть всех разом было настолько странно, что на секунду даже показалось, что все это глупый сон. Но ошибки не было: Аврора во всей красе – в блестящем топе, с идеальным макияжем и на шпильках – определенно стоит у их дома. “Ей бы место в клубе, а не возле клумб”, – подумал Павел. Он перевел взгляд на Нику, размышляя, как бы всем ее представить, но заметил, что она, покрасневшая и довольная, смешно ерзает на месте, словно маленькая девочка. Казалось, вот-вот бросится вприпрыжку. “Что это с ней?” – мелькнул вопрос, но мгновение спустя все прояснилось.

Вячеслав Игоревич Комаров – здоровый мужик под два метра ростом, с залысинами в коротких седеющих волосах и обтянутым джемпером брюшком – пулей помчался к Нике и обнял ее с таким жаром, что Павел испугался, не сломает ли. Затем он закружил ее в объятиях. Аврора зашла в дом и бросила на них взгляд, после которого можно было ожидать

раскаты грома. Пожалуй, никогда еще Павел с отцом не были так похожи в своем недоумении.

– Вероничка, я так скучал! – ворковал Комаров, не выпуская ее из могучих объятий.

Павел сроду не мог представить такого выражения на физиономии Комарова. На какой-то безумный миг ему даже подумалось, что Вероника – сестра Авроры. Но потом Вячеслав Игоревич смачно поцеловал Нику в губы, и до Павла дошло, кто такой Славик.

Первым пришел в себя его отец.

– Вячеслав, я так понимаю, это та самая Вероника Сергеевна, о которой вы говорили?

– Та самая! – он немного отошел от Ники, но продолжал держать ее за руку, – стечение обстоятельств. Она была на пленере в ваших краях, вот я и решил убить, как говорится, одним выстрелом двух зайцев, – потом он принял вид нашкодившего подростка, – прости, дорогая, я забыл, что ты не любишь это невегетарианское выражение.

Если бы Павел не знал, что перед ним тот самый Комаров, он бы подумал, что это пришелец из космоса, который неловко им притворяется, или его придурковатый брат-близнец. Воротила бизнеса, самый страшный и влиятельный человек из всех, что встречались Павлу – с неприличным обожанием смотрел на Нику. Если до этого момента были сомнения, что в Веронике есть что-то особенное, то теперь он наглядно увидел, какой силищей и влиянием она обладает, не смотря

на свою милую внешность.

– Я немного не понимаю... – начал было Павел, но его уже никто не слушал. Отец и Комаров наводили суету, Аврора демонстративно самоизолировалась в телефон. Вероника тихо подошла сзади и вкрадчиво спросила:

– Чего ты не понимаешь, Павел? Что я твоя будущая тёща?

Пару часов они провели в лучших традициях тупых комедий. Комаров, обрадованный встречей со своей Вероничкой, подписал все бумаги, которые захватил предусмотрительный Роман Витальевич. Аврора явно ненавидела Нику и вела себя показательно-отвратительно. Когда Вячеслав Игоревич засобирался в город, Аврора наотрез отказалась ехать с ними, заявив, что вернётся на такси. Комаров проигнорировал этот глупый протест, лихо подхватил вещи Ники и буквально побежал к машине. Отец, радуясь, что сделка прошла успешно, с жаром пожимал на прощание руки Комарову и Нике и даже расцеловал ее в обе щеки. Павел старался только не дать никому понять, что в груди у него взрываются сотни петард разом. Проводив взглядом машину, он вспомнил, что пообещал отвести в город Аврору.

– Может, прогуляемся? Погода – класс, – спросил он ее.

– Вот тут прогуляемся? – Аврора картинно подняла бровь и взглядом указала на сад.

– Ну да...

– Нет уж, давай поедем в Питер, я голодна.

– А ты не... – начал было Павел.

– У меня столик на 6 в «Марко Поло» заказан. Можешь присоединиться.

– Хорошо, поехали, – на автомате согласился Павел.

– Отлично, я тогда в машине подожду, пока ты переоденешься. А то в этом доме у меня сигнал слабый.

Павел, конечно, не планировал переодеваться, но пришлось отыскать костюм. Какое-то время они ехали молча, что было, как оказалось, не самым худшим вариантом.

– Видел, какую мерзость мне приходится терпеть? Отец совсем голову потерял, – Аврора злилась и это было неприятно. Все ее лицо приняло какой-то странный вид и губы неестественно искривились. – Эта стерва едва старше меня. Противно видеть, во что превращается рядом с ней отец. Как дурак, не видит, что она только и думает, как бы выкачать побольше денег.

Павел не знал, что делать. Он был готов выпрыгнуть на ходу из машины, только бы не слушать этого. Хотя какая-то его часть жадно вслушивалась в каждое слово об отношениях Комарова и Вероники.

– А ты с ней хорошо знакома? – аккуратно спросил он.

– Ну, года три я ее периодически вижу. Пожалуй, у этой твари с отцом самый продолжительный роман в его биографии.

Тема себя, по-видимому, исчерпала, потому что Аврора уставилась в телефон. А Павел побоялся спрашивать еще.

Благо дорога оказалась без пробок, и доехали они быстро.

– Ну что, присоединишься к нам с девочками? – спросила Аврора. Глаза ее не выражали ничего.

– Да, если ты не против, – Павел услышал свой голос, словно со стороны. В нем снова проснулся отличник, который готов потрудиться, чтобы получить всем на зависть хорошие баллы за сложный экзамен.

7

Корпоратив проходил в одном из лучших ресторанов города. Павел теперь повсюду был с Авророй. Сногсшибательная, в бордовом платье, она блистала, как обычно. Он отмечал, как многие оборачивались им вслед. Павел соответствовал, как мог: костюм сшит на заказ, галстук, рубашку и ботинки подобрал стилист. Короткие волосы, гладко выбритое лицо, новый дорогой парфюм. Отношения развивались стремительно, и можно было бы собой гордиться, вот удовлетворения он так и не испытывал.

На вечере оказались и Вероника с Комаровым. Здраваясь, Павел ощутил странную неловкость за свой наряд. Его преследовала безумная идея, что Ника может видеть его насквозь и осуждает то, каким он стал. Но и она изменилась – продуманный макияж, гладко уложенные волосы, строгое коктейльное платье. О ее неординарности сообщала только экстравагантная повязка на голове. Спокойная и уверенная в себе, Ника выглядела гораздо старше, чем раньше. На них с Вячеславом Игоревичем поглядывали даже чаще, чем на

Павла и Аврору. Не из-за разницы в возрасте, а потому, что сильный и влиятельный Комаров выглядел еще более сильным и влиятельным рядом с ней. То, как они смотрели друг на друга, с каким трепетом Вячеслав Игоревич относился к своей спутнице привлекало и завораживало. Весь вечер Павел невольно искал Нику глазами и украдкой наблюдал за ней. Ему показалось, что она скучала, но делала это элегантно, красиво. Смеялась шуткам, кивала головой, делала вид, что слушает. Но взгляд ее был потухшим. Аврора, напротив, вся горела воодушевлением и явно была в своей стихии. Ей лихо давались пустые светские беседы ни о чем, после которых у Павла всегда оставался странный осадок. Изящно пустить сплетню, ловко критикнуть за глаза общих знакомых, сказать “нет” словно “да” – Аврора преуспела в лицемерии, как никто другой. Улучив момент, Павел подошел к Нике, которая сидела за барной стойкой и покачивалась в ритм мелодии.

– Ты же не пьешь, – спросил он вместо приветствия, указывая на бокал вина в ее руках.

– А оно и без алкоголя, – Ника даже не повернулась. Казалось, она не хотела говорить.

– Потанцуем? – Павел предложил наобум. Просто хотел побыть с ней подольше.

Вероника огляделась – спутника своего не увидела, и, видно от скуки, согласилась. Все слова вылетели из головы. Нахлынул вихрь внезапных и непонятных чувств, и Павлу по-

требовалось время, чтобы взять себя в руки. Ника глядела в пол, глаза опущены – казалось, она полностью погрузилась в музыку.

– Я получил твой подарок – мне понравилось, – Павел поспешил прерывать тишину, лишь бы остановить поток мыслей, которые понесли ему к коттеджу, портрету, дивану и поцелую.

– О, я рада, – Ника все же скользнула по нему взглядом, – портрет получился и вправду хорош, редко я довольна своей работой.

– И зря, ты талантлива – я читаю новости на твоей страничке.

– Как мило, Павел. Тогда ты в курсе, что через пару дней мы летим в Италию. Славик по работе, а я – ходить по музеям и есть пиццу.

– Люблю Рим, – сказал на автомате Павел.

– Да ну? Прямо вот так и любишь?

– Нет, дурацкий город. Пафоснее всех, что я встречал. И Диснейленда там нет. Не знаю, как ты вытерпишь эту поездку, – Ника засмеялась.

– Славик говорит, у вас с Авророй все серьезно. Он рад, даже похоже готовится к свадьбе.

– Он готовится? – усмехнулся Павел.

– Ну... морально... единственная дочь, все такое.

– Ааа. Ну.. А как у вас? Ну, в плане свадьбы. Вы же не...?

– Нет, но мы уже давно вместе. Он меня много раз звал

замуж, но я не хочу. – Ника остановилась и поспешно отошла. – Музыка кончилась – мне пора. Ты терпимо танцуешь.

– Уж получше тебя, – буркнул Павел, и девушка впервые сверкнула глазами, как раньше.

Оглядевшись, он увидел Аврору, которая флиртовала с плечистым мужчиной у барной стойки. Но неприятнее было видеть, как Ника подходит к Комарову, и как тот ее целует.

8

Из окна виднелись крыши домов и кусок синего неба – погода стояла ясная, но настроение было паршивым. Не отрывая голову от подушки, Ника нашарила на тумбочке брошюру отеля. Итальянского она не знала, английским владела на уровне интуитивного узнавания букв, поэтому просто разглядывала картинки из ресторанного меню. Несколько минут спустя появился завернутый в белый халат Вячеслав. От него резко пахло гелем для душа.

– Ну ты спать, Вероничка, – он улегся рядом с ней и поцеловал, – есть будешь? В ресторан спустимся? У меня в запасе минут 40.

– Давай в номер закажем? Не хочу спускаться.

– Ты здорова? – Вячеслав хмуро на нее посмотрел.

– Да, думаю, да, все нормально. Хочешь – иди без меня.

– Давай закажем, – решил он. – Что будешь?

Вероника передала ему меню. Вячеслав быстро нашел то, что искал, и довольно хмыкнул.

– Возьму яичницу, что тебе?

– Я хочу яблоко. Только красное. И какао. Со взбитыми сливками, только пусть маршмеллоу не суют.

Вячеслав Игоревич рассмеялся.

– Ну, хоть не аленький цветочек. Сейчас будет тебе яблоко.

На английском он заказал еду в номер прямо из постели и обнял было Нику, но та отстранилась. Понимая, что терпение у Вячеслава может и закончиться, Вероника поспешила объясниться.

– Я тоскую, Славичек – прости, но мне тоскливо. И грустно. Мы тут уже три недели, и я постоянно одна. Никто не говорит по-русски, я маюсь.

– А что твоя работа?

Она обрадовалась, что он не стал ее укорять.

– Работа приостановлена, дорогой. Я устала.

– Да, ты, конечно, знатно порисовала. Хочешь, договоримся о выставке? Давай устроим крутую, давно пора!

– Неее, – Вероника испугалась и даже приподнялась на локтях. – Нет, Славик, какая там выставка...

– Ну, тебе виднее, – он задумался и продолжил только спустя время. – Здесь живет одна моя знакомая – Тамара, отличный продюсер. Давай я устрою вам встречу – и не давая времени на возражения добавил – она говорит по-русски. – Ника засмеялась. – Вот, так-то лучше! Позвоню по дороге в офис.

Завтрак принесли не вовремя, по мнению Вячеслава, но

девушка обрадовалась, что он переключился на яичницу. Сама же она только понюхала яблоко и, отложив его, принялась за какао.

– Вкуснятина! – Вячеслав покосился на часы, – но уже опаздываю. А ты чего не ешь? Не то?

– Мне лень есть, – Ника отставила какао и растянулась на кровати. – Италия меня ленит.

Комаров хмыкнул и ушел собираться, а Ника провалилась в полудрем. В полдень ее разбудил телефон. Голова гудела, на звонок отвечать не хотелось, но она пересилила себя и узнала от ассистента Тамары, что уже через час им назначена встреча в холле отеля. Следом позвонил и Вячеслав.

– Уже знаю, – вместо приветствия сказала Ника.

– Вот и хорошо. Что делаешь?

– Провожу день в постели.

– Снова?

– Мы же так и планировали, когда собирались в отпуск?

– Да, но я-то думал, что буду при этом рядом, – Вячеслав усмехнулся своей шутке и наскоро попрощался.

Дни неслись как бешеные, Ника их не считала. Тамара оказалась действительно крутым специалистом, и видимо отработывала немалый гонорар на полную катушку. Проект развивался стремительно. Ника не сильно вникала, что и как пишут от ее имени в соцсетях и на сайтах – она одобряла все, практически не читая. Ее забавляло, сколько народа – фотографов, копирайтеров и рекламщиков – трудится над

тем, чтобы публикации были интересными, правильными, а имидж – понятным и современным. Оставалось диву давать-ся, какой насыщенной и интересной стала якобы ее виртуальная жизнь.

Раз в день она все же заходила в свой новый «Инстаграм» – но там все было не о ней, а о какой-то талантливой и успешной Веронике Сергеевне. В «ВКонтакте» выходить себе запрещала, так как знала, что там висят непрочитанные сообщения от Павла, но заблокировать или, чего хуже, прочитать их – не хватало духу. Она так усиленно делала вид, что не замечает его попыток связаться с ней, что сама начала верить, что не хочет этого. На его странице, она, разумеется, оказывалась случайно, а на фотографиях Авроры его разглядывала, конечно, ненарочно. Порой Ника пересматривала фотографию портрета Павла в своем телефоне, но он теперь ассоциировался только с их поцелуем и приносил боль. Раз за разом размышляя, чем именно ее зацепил Павел, Ника не находила вменяемых ответов. Это не было ни тоской по влюбленности, ни желанием романтики или острых ощущений. Приятнее всего ей было вспоминать новые для себя ощущения: простоты, нормальности, свободы. Ей нравилась иллюзия, что именно с ним можно узнавать что-то новое для себя. Развиваться вместе.

На выходные они со Славой выбрались к побережью, где много гуляли, смеялись и загорали. Вячеслав радовался, что излечил Нику от тоски, ведь она снова была весела и безза-

ботна. Но день за днем ей становилось только хуже. Чем тщательнее старалась спрятать свою дыру в сердце, тем больше та росла. Она ощущала стыд, ведь никто и никогда не любил ее так. С ней одной Вячеслав был мягким, нежным, добрым. Терпеливо делал все, что только мог ради ее счастья. "Да что с тобой не так" – яростно ругала себя Ника. Она прекрасно знала, что многочисленные партнеры, которые рассчитывали на сделку с Вячеславом, ликовали, если тот приходил с ней. Это означало, что он будет сговорчивее, беспечнее. Ника – чертов талисман на удачу. "Так чего тебе еще надо, дура?" – сердито вопрошала она сама у себя. На ум приходило раз за разом одно: "семью, детей, совместного развития..." У него уже была дочь Аврора и сын Михаил от второго брака. Оба взрослые, чуть младше Ники. "Конечно, – повторял он, – если ты забеременеешь, я не буду против, но намеренно становиться отцом еще раз я точно не хочу".

Раньше это ее не трогало. Она была вдохновлена и желала только творчества. Ее окрыляла мысль, что можно жить, как в сказке. Ей завидовали подруги и знакомые, она упивалась своим положением. Ради Вячеслава Ника фактически перестала общаться с родителями – те не хотели знать, с кем "спуталась" дочь, и не признавали ее выбор. И ей хватало внимания, любви и нежности, которые она получала. Но с каждым годом все очевиднее становилось, что плата за это слишком высокая. Ценой было ее взросление и материнство.

Уже месяц, как они вернулись в Россию, а Ника все не могла привыкнуть к тому, что популярна. Менеджер радостно сообщал каждый день, что покупателей все больше, а придерживать работы до выставки все сложнее. Для раскрутки припомнили все картины, которые она когда-либо рисовала. Даже те, за которые ей было стыдно. Ника злилась на себя за то, что разрешила этому зайти так далеко. За то, как легкомысленно впустила чужаков на свою личную территорию.

По приезду в Россию Вячеслав окунулся в работу еще сильнее. Ника не вникала, чем он занят, знала только, что в ближайшие пару месяцев они будут видеться редко – Слава летал во все концы страны, проверяя, как идут дела. Если появлялся проездом в Питере, встречался с Авророй, а та ненавидела Нику, поэтому вместе общаться было невозможно. Вячеслав с упоением рассказывал, что у дочери все идет к свадьбе с Павлом и оставалось только делать вид, что новостей приятнее нельзя и желать.

Выставку планировали несколько раз, но постоянно переносили – тут Вероника проявляла настойчивость и непоколебимость. Ей хотелось сделать еще одну серию работ, и организаторам пришлось согласиться. Вячеслав никак не мог понять, почему она не хочет рисовать в их квартире, пока он в отъездах. Предлагал снять мастерскую неподалеку, или где захочется, но Ника упрямо уходила работать в старую бабушку квартиру на краю схемы метро. Обычно ей и самой было неуютно там находиться, но сейчас она видела в

этой полупустой квартире убежище, “домик”. Как в детстве. Только здесь получалось расслабиться и быть собой, а не играть одну из тех ролей, которые от нее ожидали. Ника работала с упоением. На холсты и бумагу выливались в абстрактной форме переживания, воспоминания и мечты. Бывало, на неделю она проваливалась словно транс, забыв про все вокруг. Все ее мысли поглощал мир иллюзий и фантазий.

Однажды вечером из такого забытья ее выдернул Вячеслав. Оказалось, телефон был отключен весь день, что заставило его понервничать. В старой бабушкиной квартирке, без мебели и с обшарпанными обоями в мелкий цветочек, хорошо одетый, огромного роста Вячеслав Игоревич выглядел до того нелепо, что Ника даже рассмеялась. Вид у него был ошарашенный – его поразили ее картины, которыми были уставлены все комнаты.

– Вероничка, это бесподобно!

Она знала, что картины хороши – в ней проснулась какая-то особая уверенность в своих силах. То, чего всегда так не хватало. Она ощущала, что действительно может сделать и получить все, чего захочет. Вячеслав искренне хвалил каждую ее работу, внимательно вглядывался в детали, а затем, словно вспомнив про Нику, попытался ее обнять. Та запротестовала, что грязная, но, конечно, это его не остановило – слишком давно они не виделись, и было очевидно, что он скучал.

– Я тебе тысячу раз звонил.

– Прости.

– Сегодня меня пригласили на годовщину свадьбы. По-едем, скатаемся на часок?

– Славичек, у меня тут из одежды только джинсы...

– Я захватил какие-то шмотки, глянь, может подойдет? – он протянул ей сумку и Ника Заулыбалась.

– Ты потрясающий! – искренне похвалила она.

Собралась она быстро. Яркие губы, гладкие волосы, серое струящееся платье до колен, довольно рискованный вырез, изящные дизайнерские туфли в тон.

– Роскошно выглядишь! – Вячеслав поднялся из кресла. – Я, конечно, думал, ты выйдешь в красном...

– Нет, красное, кажется, для домашнего пользования.

– Тогда захвати с собой, на празднике мы очевидно не задержимся. Я тебе еще вот что принес, – он достал из кармана коробочку. В ней оказались красивые длинные серьги с увесистыми бриллиантами на концах. Они, словно волшебные лучи, сияли в лучах вечернего солнца.

– Ваауу! – только и могла протянуть Ника.

– Давно не баловал тебя, – Вячеслав наслаждался ее изумлением, – иди, помогу надеть.

Из подъезда они выходили под пристальным взглядом соседа. Он нарочно шел медленно, чтобы дать всем старушкам рассмотреть себя во всех подробностях. Ника же норвила поскорее шмыгнуть в машину. Они были колоритной парой: высоченный Вячеслав Игоревич с его неминуемым

брюшком и короткими седеющими волосами и Ника в ослепительно-легкомысленном платье цвета стали.

– Судачить будут неделю, – весело шепнул Вячеслав Нике на ухо и поцеловал ее в висок.

– Месяц, если с меня ветром сдует это неудобное платье!

Праздник был красивым. Десятая годовщина свадьбы милой пары. Женщина ждала третьего ребенка, но, хоть уже и с большим животом, одета была как невеста: и фата и пышное белое платье. Муж в светлом костюме, и в таких же костюмах с синими бабочками – два их сына.

– Ты не говорил, что это вечеринка с детьми, – укоризненно сказала Ника. – Мне неловко за свое платье, – она растерянно озиралась по сторонам, пытаясь рукой прикрыть вырез на груди.

– Да все хорошо. О, кстати о детях, – он рукой показал, что к ним шла Аврора. Еще красивее прежнего, в замысловатом платье с белым кружевом и убранными в прическу волосами – сама, как невеста. Она высокомерно кивнула отцу, а на Нику даже не взглянула. – Не ожидал тебя тут увидеть, дочь, – Вячеслав радостно улыбнулся.

– Да уж, и мне неожиданно. Это лучший друг Павла, кто бы знал, пришлось пойти. Не Питер, а деревня... И деревенщин полно, – она, конечно, посмотрела на Нику, но та, как обычно, поспешила удалиться.

Ничего умнее, чем направиться к бару, не придумала, поэтому уселась у стойки наблюдать за гостями. Дети носились

всюду. Было шумно, как будто внутри огромного улья. Впервые за долгое время захотелось выпить алкоголь, и бармен услужливо подал "Мохито". Сзади подошел мужчина и еще до того, как он заговорил, Ника поняла, что это Павел.

– Прекрасно выглядишь.

– И ты прекрасно. Чудесный костюм.

– Наблюдаю за твоим развитием. Оказывается, ты уже знаменитость. Рад, но не удивлен.

– Это все Славик, – Ника улыбнулась, – Вячеслав Игоревич, я имею в виду. Я даже не захожу в свои соцсети, их ведут специальные люди.

– А, вот почему тысячи моих сообщений без ответа.

Ника замолчала. И детский смех, и Павел действовали ей на нервы. Она залпом допила коктейль.

– Красивые сережки, – Павел едва тронул камень у шеи Ники.

– Слава подобрал. К платью, – она на автомате прикоснулась к тому же бриллианту, по коже побежали мурашки. – А как у тебя с ювелирными?

– Что? – Павел не понял ее вопроса.

– Слава говорит, что у вас с Авророй скоро свадьба, наверное, выбираешь кольцо.

– А. Да, выбираю, – признался Павел. Аврора говорит, надо поскорее, пока не началась зима, хочет торжество на природе.

– Как здорово! Осенью красивые свадьбы.

Ника больше не могла выносить этот бредовый разговор и начала слезать с высокого барного стула. В тот же миг бегущий мимо ребенок со всего маху налетел на него. От неожиданности она выронила бокал и, не удержавшись на стуле, упала прямо в осколки. Ребенок поспешил убраться с места происшествия. Ника не сразу сообразила, что произошло. Павел отреагировал моментально. Поднял ее, усадил на соседний стул, стал осматривать пострадавшие колени и ладонь. Перепуганный бармен сбегал за аптечкой и предложил врача, но Павел отрицательно покачал головой и сам стал заниматься порезами. На глазах Ники навернулись слезы.

– Придется тебе потерпеть, я вижу еще несколько осколков в ноге.

Он попросил у бармена щипцы для сахара и с их помощью достал последние стекла. Тщательно залил все перекисью и щедро наклеил пластыри. Ника беззвучно ревела. На платье падали крупные слезы, которые она даже не пыталась вытереть рукой.

– Ну ты чего как маленькая? До свадьбы заживет, – Павел сочувственно улыбнулся. А Ника из последних сил сдерживалась, чтобы не разрыдаться в голос. И не от боли, а от того, что они с Павлом не пара, и что это не их дети носятся по залу и бесят гостей. Испуганный Вячеслав подлетел как туча. Павел отошел, уступив место Комарову, который даже побледнел, глядя на зареванную Нику.

– Вероничка, ты чего?

Она наспех вытерла слезы и, всхлипывая, рассказала, как нелепо упала. Вячеслав нежно обнял ее и поцеловал ладони, и затем на колене. Павел отвернулся. Ему было неприятно.

– Прости, Слава, я разревелась, как пятилетка. Поехали домой?

Вячеслав кивнул, лихо подхватил ее на руки и отнес в машину.

– погоди, я попрощаюсь с Савельевыми, – сказал он, усаживая ее на заднее сидение машины.

– Извинись перед ними, пожалуйста! Они невероятно милая семья.

В машине Ника осталась одна. Решение, которое, очевидно, зрело целый год, наконец-то, оформилось. Она осознала, что это единственно верный шаг. Но когда поняла, ЧТО ей предстоит сделать, ее сковал дикий страх. Она знала, что ей потребуется вся воля и сила, поэтому молчала и вечером, когда Вячеслав покрывал ее тело поцелуями, и утром, когда он весело болтал о проектах. И на следующий день. И на следующий за ним.

Вячеслав, словно предчувствуя перемены, остался в Питере и был постоянно рядом – внимательнее и нежнее, чем обычно. Ника презирала себя. Мысли ее были где-то далеко. Казалось, она со стороны наблюдает за своей жизнью: вот встречается с друзьями, вот болтает с сестрой, вот хихикает с Вячеславом, вот утрясает вопросы по выставке и согласо-

вызывает буклеты. Но это не настоящая она. Робот, который всегда рад и счастлив, который вызывает зависть и нравится всем.

Был вечер, они ужинали в китайском ресторане. В ожидании заказа Слава писал что-то в телефоне, а Вероника нервно теребила зубочистку. Одну, вторую, третью... На горсть поломанных деревяшек косился проходящий официант.

– Нам нужно расстаться, Слава, – голос Ники был тихим. Она даже не была уверена, что сказала это вслух. Но видя, как Вячеслав переводит взгляд с телефона и вопросительно смотрит, Ника поняла, что действительно сделала это.

– Что?

– Нам нужно расстаться, Слава! Прости! – громче повторила Ника.

– Ты что несешь? – вид у него был встревоженный, голос стал громче.

– Понимаешь, – предательские слезы покатались из ее глаз.

– Так, еще не хватало сцен в ресторане – у тебя ПМС? Что за ерунда? Это шутка? – Вячеслав Игоревич багровел на глазах. Но Ника продолжала.

– Я хочу детей, Слава.

– Мы же это обсуждали, и ты согласилась, что нам хорошо. И так хорошо.

– Я думала так, но это было давно. Я повзрослела.

– Не моли чушь. Ты как ребенок.

– Вот именно, Слава. С тобой я всегда буду ребенком – понимаешь?

– Нет – к ним подошёл официант, но Вячеслав, даже не взглянув на него, попросил уйти. – Нет, я не понимаю, Вероника, объясняй! Если тебе так хочется детей, то мы можем это обсудить. В конце концов, это не повод рвать отношения. Давай просто ОБСУДИМ это.

Он говорил все громче и громче. На них стали оглядываться соседи. Вероника поняла, как глупо поступила. Вячеслав, видимо, подумал о том же, потому что кинул на стол деньги, взял за руку Нику и буквально выволок ее из зала.

Они сели в машину. Вячеслав рывкнул на шофера, чтобы тот убирался. Закрыв двери, глубоко вздохнул и повернулся к Нике. Она не могла заставить себя посмотреть ему в глаза. Слезы текли по щекам.

– Ты что, беременна?

– Что? Нет, конечно.

– Ты хочешь детей?

– Да. Да, черт возьми, да, я хочу детей, хочу НОРМАЛЬНУЮ семью. Хочу детей, которые бесят. Хочу отношения – человеческие, нормальные отношения, когда есть счастье, любовь, РАЗВИТИЕ, когда на равных – она уже плакала всю, голос дрожал.

– А чем не нормален я? У нас же идеальные отношения. Были, по крайней мере, до этого вечера! – он ударил кулаком по приборной панели. На памяти Ники, он впервые на нее

злился по-настоящему. И она ощутила, почему его бояться все вокруг. Глаза Вячеслава горели огнем, – я дал тебе ВСЕ! Я... я дал тебе куда больше, чем когда-либо кому-нибудь. Да я дал тебе даже больше, чем ты заслуживала!

– Я знаю, Слав, – Ника не решалась взглянуть на него.

– Почему ты думаешь, что я не способен дать тебе и ребенка?

– Потому что ты этого не хочешь. А каждый ребенок заслуживает, чтобы его хотели.

– Я... я... – Вячеслав запнулся. – Пусть будет ребенок, – с выдохом сказал он.

– И ты реально хочешь вставать среди ночи, потому что он голоден или мучается животом? Ты реально будешь проводить с ним дни, гулять с коляской, ходить в зоопарк и выслушивать три тысячи вопросов? – Ника внимательно посмотрела на Вячеслава, который глядел в пустоту.

– Ради тебя я готов и к этому, – сказал он совсем тихо.

– Милый, я ценю это. Но это не твое желание. Я помню твои желания, дорогой. И в них не входит смена подгузников. Никогда не входила.

– Ты, судя по всему, думала об этом давно? Это ведь не спонтанное решение? – Вячеслав посмотрел ей в глаза. И ей наконец-то хватило сил ответить на этот взгляд.

– Нет, не спонтанное. Я думала об этом больше года.

– И ты уходишь от меня к... – он не придумал, какое назвать имя.

– Нет, ни к кому... просто от тебя.

– Что заставит тебя передумать?

– Ничего, Слава – ничего не может меня заставить передумать, – Ника ощутила, как в ней растет сила и уверенность.

– Я думал, я состарюсь и умру рядом с тобой, – тихо сказал Вячеслав и накрыл своей рукой ее руку.

– Ты найдешь ее, Слава. Найдешь ту, что будет с тобой. Но это не я. Уже не я.

Она дотянулась до него и поцеловала очень тепло и нежно. А затем вышла из машины и побежала прочь.

10

Вячеслав Игоревич Комаров не был частью жизни Вероники. Он был всей ее жизнью. Он заменил ей родителей, наставника, мужа, учителя. Он был для нее всем миром. Деньги, телефон, одежда, все, что у нее было – все было его. Она не представляла, как будет жить без этой опеки. Но понимала, что именно это – единственно правильный путь. Как доехала до квартиры бабушки на такси, Вероника не помнила. Она оплакивала себя, его и всю свою прежнюю жизнь. Но знала, что все сделала верно. Наплакавшись до изнеможения, проваливалась в долгий сон. А потом просыпалась и все начиналось заново. Ника не знала, сколько прошло дней. Но однажды проснувшись, поняла, что пришло время снова жить. Телефон проверить не получилось – батарейка разрядилась. Она впервые за очень долгое время ощущала себя легкой, свободной, в настоящем. Ей казалось, что все чув-

ства стали острее. Хотелось есть. Хотелось что-то сделать.

Она ходила в душ, прогулялась до магазина и пока запекались в духовке овощи, Ника записала на больших белых листах все, что так долго крутилось у нее в голове: цели, планы, мечты и желания. Глядя на свои записи, она ощутила, что именно так все и будет. Потому что именно так все и должно быть.

Пообедав, она собралась с духом и засела за телефон. Было больше сотни уведомлений, основная масса звонков и сообщений – от Вячеслава, поэтому Ника решила просто перезвонить ему. Он ответил немедленно, и сразу же спросил, все ли с ней в порядке. Она заверила его, что все хорошо и объяснила про разряженный телефон. В трубке раздался выдох облегчения.

– Если ты не слушала и не читала предыдущие сообщения – сотри их, Вероника, к чертям. Не смотри и не слушай их, я был не в себе.

– Я не слушала, Слав. Но понимаю и не виню тебя. Я виновата перед тобой.

– Не носи ерунды. Чувство вины никого не красит. Ты сделала свой выбор. Я его уважаю. Но я хочу, чтобы ты знала, что я всегда, слышишь, ВСЕГДА буду тебя ждать назад и любить. – она промолчала. Ее тронули эти слова и все тело будто обдало волной искренней благодарности. – А теперь слушай дальше. Не хочу, чтобы ты бедствовала, поэтому предлагаю тебе принять от меня квартиру и машину. Ну и вся

работа по выставкам и развитию пусть идет, как и шла – у нас договор еще на полгода подписан.

– Слава, я...

– Не нужно только мне перечить.

– Слава, я не пропаду, не волнуйся. У меня есть квартира от бабушки, я не вожу машину. Я...

– Не спорь, Ника, это нужно МНЕ. Я хочу быть уверен, что у тебя все хорошо.

– Можешь быть уверен, Слава! Я буду счастлива. У меня будет все хорошо. И у тебя.

– Ника, ты подарила мне лучшие годы жизни.

– А ты мне, Слава. Мне так повезло, что ты оказался тогда рядом. И так долго оставался рядом.

Она повесила трубку до того, как полились слезы. Ей хотелось завершить именно так. Чтобы это было про радость, любовь и благодарность. Она оглядела солнечную квартиру и осознала, что здесь и сейчас находится в лучшем для себя месте. Почувствовала пространство всем телом, и ощутила, что оно поддерживает, придает сил. Ника не сомневалась, что будет счастлива.

11

– Поздравляю, сын, теперь ты официально заместитель директора.

Роман Витальевич светился радостью. Павел смотрел на отца и понимал, что планирует сбросить на него бомбу. Было горько осознавать, ЧТО сейчас произойдет, но иного выхода

не было. – Бумаги готовятся, но ты смело можешь обживать свой новый офис, Паша! Ты молодец! Тебе везет, как никому. Новая должность, красавица-невеста...

– Отец, я не приму эту должность.

– В главные директора метишь? – Роман Витальевич подмигнул сыну.

– Нет же, отец. Я не хочу больше работать в твоей фирме. Я увольняюсь.

Роман Витальевич резко выпрямился, от улыбки не осталось и следа. – Что ты мелешь! Ты НЕ МОЖЕШЬ УВОЛИТЬСЯ.

– Ты навсегда останешься мне папой, и я благодарен тебе за все, но я не хочу продолжать здесь работать. Это не моя мечта, а твоя.

– Какая же твоя? Чем ты займешься?

– Последние несколько месяцев я изучаю гостиничный рынок. Хочу начать с небольшой гостиницы. Возможно, не в Питере...

Роман Витальевич расхохотался и наигранно схватился за сердце.

– Фух, я думал, ты серьезно. Ну, Пашка, ты и разыграл меня.

– Да нет же, – Павел встал со стула, – я не шучу. Я хочу попробовать себя в новом деле. Пойдет – отлично, не пойдет – буду искать что-то еще. Это не моя работа, не мои мечты, не я... Все это – твое. ТВОЯ версия. Но я устал от этого.

Я знал, что у нас не выйдет нормально поговорить, поэтому принес тебе это, – он положил красную папку на стол. Прочти и помни, что я тебя люблю.

Павел вышел. Роман Витальевич какое-то время пялился на дверь, а потом перевел взгляд на папку. В ней было заявление об увольнении. Документы, подготовленные подробные отчет и среди прочего фотография – старая, от которой у него защемило сердце. Его дорогая жена Лена и двое сыновей – Павел и Федор. Теперь в живых с фотографии остался только Павел. Роман Витальевич заплакал впервые за много лет. Он так боялся потерять и его.

Павел начал с того, что устроился в крупную сеть отелей. Его поставили начальником отдела строительства, и это было существенное понижение, но был уверен, что все делает правильно. Увы, Аврора не перенесла таких перемен и ушла от него, когда он ей сообщил, что решил поменять свою деятельность. Павел был искренне рад, что так случилось. К сожалению, она сказала, что все кончено сразу после того, как он надел ей на палец кольцо, на которое он потратил существенную часть своих сбережений. Но посчитал, что для свободы это незначительная цена.

Осень уже полностью захватила Питер – деревья роняли листья, которые гнили в лужах. Ветер становился все яростнее и холоднее, день все короче. Солнце все реже пробивалось сквозь серые облака, но общая унылость природы никак не касалась Павла. Он был счастлив, ощущая небыва-

лый подъем и вдохновение. Сегодня день шел наперекосяк – он впервые проспал, по дороге спустило колесо и пришлось провозиться.

Его секретарша, Яна, уже поджидала с традиционной стопкой бумаг.

– Яна, ты мне кофе не раздобудешь? – спросил он, поприветствовав ее кивком.

– Да, Павел Романович!.. Тут такое дело... – она замялась.

– Ну?.. – нетерпеливо переспросил он.

– Мне нужно уйти пораньше сегодня! – видно было, что она нервничает.

– С чего вдруг? Опять свидание? – усмехнулся Павел.

– Нет! Выставка сегодня, – Яна немного раздвинула пиджак, чтобы продемонстрировать принт на майке.

Несколько долгих секунд он пялился на нее, пока девушка не хихикнула, видимо, посчитав, что внимание шефа привлек ее бюст. Павел не верил глазам. Он сразу узнал картину – то самое солнце, которое нарисовала Ника далёким летним днем.

– Вероника Сергеевна наконец-то открывает сегодня выставку. Я ее фанат, она такая классная. Отпустите?

– Да, иди, – на автомате проговорил Павел и поспешил к компьютеру.

Тут же он набрал в поисковике “Вероника Сергеевна” – и увидел сотни картин Ники. Большинство первых – афиша с той самой работой “Солнце перемен”. Как маньяк, Павел

открывал одну ссылку за другой, и всюду мелькали желтые солнечные картины и сама Ника – такая красивая, такая манящая... Решение пришло быстро. Он едва смог дождаться конца рабочего дня. Сердце колотилось. Но навалилась куча мелких дел и, как назло, пришлось собрать все светофоры и пробки. Когда наконец-то пришел, ленточку уже перерезали, а вступительные слова сказали. Издалека Павел заметил Никку, которая общалась с гостями. Белое простое платье, яркие красные туфли на каблуке, в волосах живой огромный цветок каркаде. Так и светится счастьем.

Павел не решался ни подойти, ни окликнуть ее. Он столько раз за сегодня прокрутил этот момент в голове, а на деле просто смотрел, любуясь. Внезапно Ника обернулась, ощутив, видимо, его взгляд. Заметила Павла и замерла на полуслове. Будто в замедленной съёмке он наблюдал, как она просила прощения у гостей и медленно, словно во сне, шла к нему, обходя людей.

– Привет.

– Привет.

– Поздравляю, это грандиозно! Я, правда, еще ничего не видел, но это грандиозно без сомнений. – Он спохватился и неуклюже протянул корзину цветов, – это тебе.

Ника взяла подарок, не сводя с Павла глаз, и тут же поставила корзину на пол. Повисла пауза.

– Как ты?

– Все хорошо, Паша, а ты как? Как Аврора? Вы недавно

поженились?

– Я – лучше всех. Потому что Аврора меня бросила. – Павел выдавил нервный смешок. – Ты разве не знаешь? Тебе Комаров не говорил?

– Мы давно с ним не виделись. Расстались в конце лета.

Павел смотрел ей в глаза, не отрываясь.

– Поужинаем?

– Не могу, – Павел будто и не ждал другого ответа: “Куда уж там”. – Сейчас не могу. Сегодня, – продолжила Ника. Сейчас будут речи, фотосессии, прием.

– Завтра?

– Да.

– Куда мне заехать?

– Помнишь «Макдональдс», у которого ты забирал меня летом?

– Да, конечно! В 6?

– В 6!

Никю окликнули.

– Прости, мне пора идти...

– До завтра!

Она улыбнулась, подхватила корзину цветов и пошла к гостям. Павел хотел остаться, но решил, что у него еще будет время и посмотреть выставку, и поговорить с Никой. А сегодня ее день, не стоило ей мешать.

весь день провел как на иголках. Он с радостью наблюдал, как примерно в половину шестого Ника неспешно идет к кафе, оглядывается по сторонам, не замечает его машину и заходит внутрь. Минут через 5 она вышла с мороженым, присела на лавку и только потом заметила Павла. На Нике было светлое вязаное платье, плащ и сапоги.

– Привет, – с улыбкой сказала она.

– Привет, – Павел сиял.

– Прости, не удержалась – целый день не ела, – она указала на мороженое, – будешь?

– Нет, я потерплю до ужина.

– Куда едем? – спросила Ника, усаживаясь вперед.

– Надеюсь, тебе понравится.

Ника расслабилась, закинула сумку и пальто на заднее сиденье, а затем с удовольствием приступила к мороженому. Какое-то время ехали молча.

– Почему вы больше не вместе? – не вытерпел Павел и поспешил добавить – можешь не отвечать.

Ника поковыряла в мороженом ложкой какое-то время, а затем просто ответила – Я хотела большего.

Павел чуть не поперхнулся. Вячеслав Игоревич – один из самых богатых и влиятельных людей, что он знал. “Чего большего можно хотеть?” – подумал он.

– Мне кажется, он и так.... – начал Павел, но Ника его перебила.

– Я хотела семью. Мужа, который хочет детей и готов их

воспитывать. Я не против, если будут трудности, но моему мужчине действительно должно быть интересно проводить время с семьей и детьми, понимаешь? – она не дала Павлу ответить. Но он понимал. – А ты? Почему так вышло у вас с Авророй?

– Она хотела большего, – поспешно ответил Павел и улыбнулся.

– Большого? – удивилась Ника. – Ты же вроде богат...

– Отец богат. А я ушел из фирмы, решил рискнуть и попробовать с гостиницей.

– Ооу, – протянула Ника. И резко добавила, – Останови.

Павел съехал к обочине и остановился, совершенно несчастный. Ника выскочила из машины. Первая мысль была, что это реакция на его финансовое положение. Он решил, что она предпочла сбежать. Но оказалось, Ника просто выкинула мороженое и через мгновение вернулась. У Павла по-ребячески отлегло от сердца.

Они ехали и болтали обо всем: о погоде, Риме, гостиницах, пробках. Но Павла съедало любопытство, и он задал вопрос, который долго его мучал.

– А как вы вообще познакомились с Комаровым?

– Оооу, – повисла долгая пауза. Ника словно собиралась с мыслями и продолжила только через пару минут. – Тогда я была совсем не той, что сейчас. Только после института, на глупой работе, после неудачных романов, неуверенная в себе, давно забросила творчество. Алкоголь, клубы. Однажды

я поссорила с парнем на вечеринке и выскочила на дорогу в поисках тачки. Я была пьяная и сама не заметила, как выбежала на проезжую часть. Слава ехал с аэропорта ночью, и его шофер не успел вовремя среагировать – сбил меня. Он рассказывал, что всё было в моей крови, и все здорово перепугались. Я ничего не помню – была в отключке. Очнулась уже в палате – левая рука и нога в гипсе. Отделалась легко, врачи говорили, что мне чертовски повезло. Родители с сестрой были в отпуске, за границей, и я попросила, чтобы их не беспокоили и не сообщали о происшедшем, раз все обошлось. Слава сказал, что я могу оставаться в больнице, сколько понадобится. Оплатил хорошую палату, договорился с врачами и медсестрой. Каждый день меня навещал его шофер и привозил, что попрошу. Быстро мне стало скучно, и я начала просить карандаши, планшеты и прочие штуки для рисования. Нарочно заказывала те, что подороже – отрывалась по полной. – Ника улыбнулась своим воспоминаниям. Павел внимательно слушал. – В один из визитов шофера, я передала Славе открытку с благодарностями. Нарисовала сама. На следующий день Слава приехал лично. Сказал, что удивился, как круто я рисую. Разговорились, и я ему рассказала о себе. Он предложил мне работу – в его фирме, в рекламный отдел. Я согласилась. Он стал приезжать ко мне сам, и всегда с подарками. Цветы, сладости, материалы для рисования. Помню, попросила что-нибудь почитать – так он привез плеер с закаченной аудио-библиотекой, электронную

книгу и несколько томов про искусство – объяснил, что не знал, как будет удобнее, и купил все варианты. Было мило. До него мужчины ко мне так не относились. Какое-то время мы дружили, насколько это возможно. Я думала, он чувствует вину и из вежливости общается со мной. Он же уверяет, что запал не меня с первого же взгляда. Прямо когда увидел меня в луже крови, под колесами автомобиля, воняющую перегаром. Я сомневаюсь, – Ника усмехнулась и замолчала. Пауза затянулась.

– А потом?

– А потом свидания, признания, любовь, – коротко сказала Ника, и было понятно, что рассказ окончен. – Теперь ты мне должен тайну.

Павел какое-то время молчал, переваривая услышанное. Он понимал, что ревнует.

– Что ж, есть у меня одна, – он тяжело вздохнул, собираясь с мыслями. – После смерти матери брат слетел с катушек. Я думал, он просто debil. Наверное, так он переживал горе, а я не понял. Я был молодым и глупым. Мы поссорились. Я крикнул что-то вроде “можешь валить” и швырнул ключи от своей машины. В тот вечер он разбился насмерть. Такая вот тайна.

Снова наступила тишина. Долгое время они слушали только шум дороги и гул колес. Ника положила руку ему на плечо:

– Ты не виноват, Паша. Никто не виноват.

– Вот и мой психотерапевт это же заладил, – пошутил Павел. – Нет, серьезно, я не думаю, что это ВСЁ из-за меня, но порой я возвращаюсь туда мыслями и сожалею, что был таким идиотом.

Ника не спросила, куда они едут, хотя они выехали из города и гнали по трассе. Павел включил радио, молчали долго, но паузы были уютными, неловкости не чувствовалось. Скоро за окном стало видно море – оно подмигивало им сквозь пролетающие сосны. Затем появился на горизонте и ресторан, Ника догадалась, что туда они и едут.

– Как классно! – воскликнула она. – Именно то, чего я хотела!

– Да. Обожаю этот ресторан. И с погодой вроде везет.

Хотя солнце уже спряталось, и было весьма холодно, небо стояло ясное, ветра не было.

– Это точно, если не льет дождь, то с погодой повезло! – жизнерадостно заявила Ника.

В ресторане было мало народу, но Ника настояла сесть на улице. Они укутались пледами и приступили к ужину.

– Так ты реально вегетарианец? – спросил Павел, сожалея, что заказал шашлык.

– Не парься, я не строгий, не буду читать тебе веганские нотации, не переживай. Кушай, что считаешь нужным, твое дело, гореть ли в аду. – Павел даже открыл рот и уставился на Нику. Она рассмеялась – Прости, я пошутила. Не удержалась. Видел бы ты свое лицо.

Они болтали про все подряд: вегетарианство и шашлыки, погоду, выставку и работу. Им было так хорошо вместе, что Павел периодически ловил себя на опасении, как бы это не оказалось сном. В ожидании десерта он пригласил Нику потанцевать, и та охотно согласилась. Они отошли подальше от ресторана – поближе к воде. Павел нежно обнял ее и в это мгновение заиграла музыка. Вероника от неожиданности вздрогнула, но тут же рассмеялась, услышав, что за песня играет.

– Павел... – с притворным укором сказала она, – уж не слишком ли прямолинейно?

"Так особенно сегодня звёзды горят.

Так говорят, а я не вижу их..."

Павел только улыбнулся. Танцуя, они все крепче прижимались друг к другу и все нежнее смотрели друг на друга. С лица Ники не сходила улыбка. Под финальные строчки "Вокруг тебя весь мир кружит...", на них прилетели лучи прожекторов. Девушка ахнула от изумления.

– Вероника! Я предлагаю тебе попробовать теперь держаться вместе. – Павел улыбался, на лице девушки читалось недоумение – Подумай хорошенько, ведь это будет так себе. И предложить мне кроме себя, пока нечего. Кстати, большая часть моих сбережений, пошла на неприлично роскошное кольцо для другой женщины. Я мало, что знаю, но точно уверен, что возвращаясь с работы, хочу видеть там тебя.

Уверен, что именно с тобой мне будет интересно пройти всю жизнь.

Ника стояла как вкопанная и даже рот раскрыла от удивления.

– Я... Я...

– Скажи, что это не такая тупая затея...

– Да! – она засмеялась, из глаз покатались слезы. – Мне, конечно, надо подумать. И это была самая дурацкая речь во Вселенной. Но ДА! Это точно не такая тупая затея.

– Отлично! – Павел с энтузиазмом поднялся и закричал в пустоту, – она согласилась подумать!

В это мгновение со всех сторон к ним сбежались люди. На пляже появилось еще несколько лучей софитов разных цветов, которые весело заплясали по песку. Загромыхала музыка, и Ника узнала мелодию из «Миллионера из трущоб». Люди вокруг улыбались и слаженно танцевали, как в индийских фильмах. Ника смеялась сквозь слезы. Павел сиял. Он подхватил ее на руки и начал кружить. Пока не потерял равновесие. Они вдвоем рухнули на песок и заливисто хохотали. Персонал и гости ресторана сбежались посмотреть на представление. Многие снимали происходящее на телефоны. Как только музыка смолкла, софиты погасли, а танцоры и зеваки исчезли как по волшебству.

– Ты самый отбитый чудик, которого я встречала.

– Ты должна была догадаться об этом еще летом, когда я пригласил не пойми какую, сумасшедшую девицу порисо-

ВАТЬ В СВОЕМ ДОМЕ.